

Ш А Х
Н А М Е

934-1934

го р да у с и

ЛИТЕРАТУРЫ ВОСТОКА
ПЕРСИЯ

АВУ-Л-КАСИМ АЛ-ТУСИ

называемый

ФИРДАУСИ

АКАДЕМИА
Москва — Ленинград

А Б У - Л - К А С И М А Л - Т У С И

называемый

Ф И Р Д А У С И

**КНИГА ЦАРЕЙ
ШАХНАМЭ**

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА

**Перевод М. Лозинского
Под редакцией, с комментарием
и статьей Ф. А. Розенберга**

А С А Д Е М І А

1934

*Иллюстрации, заставки,
переплет и супер-обложка
Л. А. Бруни*

Введение

Международный комитет по организации празднеств по случаю тысячелетия со дня рождения великого поэта Фирдауси решил приурочить имеющие состояться в Тегеране торжества к сентябрю месяцу 1934 года. Насколько сложные вычисления ученых отвечают действительности, трудно сказать. Ни в персидских, ни в арабских источниках год рождения нашего поэта не указывается. Годом смерти обыкновенно называется 1010

или 1012 год н. э., однако историк литературы Даулетшах (1487 н. э.), например, относит это событие к 1020, другие даже к 1025 году. Очень ценны поэтому разбросанные по разным главам „Шахнамэ“ автобиографические заметки самого поэта, где иногда упоминается также его возраст в данное время. Однако и здесь цифры часто округляются, так что полной исторической точности не добиться. Из одной такой пометки мы узнаем, что он составлению „Шахнамэ“ посвятил тридцать пять лет.

Абу-л-Касим ал-Туси, с тахаллусом (прозвище, дававшееся поэтам) ал-Фирдауси, — „райский“, — родился в семье состоятельных дихканов-помещиков, близ города Таберан в округе Тус. Дихканы — сегодня так называется, особенно в Туркестане, всякий землероб — представляли раньше земледельческую знать, которая испокон веков считалась собирателем и верным хранителем преданий родной старины.

Фирдауси не первый задумал приняться за художественную обработку материалов, собранных под общим заглавием „Хватаи-намак“ (новоперсидское „Худай-намэ“ — „Книга гос-

под“), преимущественно по приказу царей Сасанидов Хосроу Ануширвана (531—579 н. э.) и последнего представителя династии, Йездегерда III (632—642; убит в 651 г.). Эту книгу перевел в середине VIII века на арабский язык Ибн-Мукаффа. Единственным литературным языком при Сасанидах — значит и языком материалов, о которых речь, — был среднеперсидский, преимущественно в его сложной пехлевийской графике. Все указывает на то, что Фирдауси не знал пехлеви. Он работал скорее всего на новоперсидских прозаических версиях Худай-намэ, безнадежно утерянных, так же как и арабский перевод Ибн-Мукаффа. Непосредственным предшественником Фирдауси в версификации „Шахнамэ“ является панегирист Дакики, работавший при дворе Саманидов, могущественной династии, владевшей в X веке н. э. всем Маверааннахром (заамударьинской областью) с центром в Бухаре. В расцвете жизни он был убит своим рабом-любимцем, успев написать всего 1000 двустиший, которые Фирдауси, жестоко раскритиковав, все же целиком поместил в своем эпосе.

Конечно, и Дакики не первый эпик Пер-

сии, ибо мы встречаем у него уже в высокой степени выработанный эпический стиль, что указывает на изрядную давность существования в Персии этой формы поэзии. Время покажет, в какой степени персидская эпика восходит к открытому только за последние годы, но уже успевшему стяжать себе признание поэтическому творчеству на среднеперсидском языке. Сам Фирдауси говорит, что до него не было поэмы на персидском языке, превышающей 3000 двустиший. Вся „Шахнамэ“ написана исконно-иранским эпическим размером „мутакариб“; два рифмующих между собою полустишия по 11 слогов образуют один персидский стих — „бейт“. Размер этот, $\cup \text{—} \text{—} | \cup \text{—} \text{—} | \cup \text{—} \text{—} | \cup \text{—} \text{—}$, в точности соблюден в настоящем переводе.

Начал свою работу Фирдауси в родном Тусе. Вскоре слухи о талантливом поэте и об огромной задаче, которую он себе поставил, дошли до султана Махмуда, правившего (1005—1030 н. э.), почти независимо от халифата, в Газне. Махмуд, по происхождению и по языку турок, всячески покровительствовал персидской литературе и науке. При дворе его подвизалась целая

плеяда выдающихся умов, среди коих из поэтов—Унсури, Фаррухи, Миночехри, из ученых Бируни, Авиценна и другие. Фирдауси в течение двенадцати лет пользовался широчайшим гостеприимством царя-мецената, интересовавшегося прогрессом эпопеи. Однако козни и клевета завистников-собратьев не дали ему покоя, и он решил снова уединиться в родных местах, где и закончил свой гигантский труд. Смертельно оскорбленный вероломством Махмуда, который, по настоянию своего финансового советника, вместо обещанных 60000 золотых динаров — по одному динару за „бейт“ — прислал поэту то же количество монет, но серебром, он решил отомстить султану ядовитейшей сатирою, которая чуть не стоила ему жизни. Он долгое время скрывался от преследований озлобленного султана; наконец ему удалось бежать и, после всевозможных перипетий, добраться до двора халифа в Багдаде. Добившись при помощи халифа прощения, он на старости лет вернулся в Тус, куда, по легенде, в день его похорон прибыли от имени Махмуда некогда обещанные 60000 золотых динаров. На эти деньги, хотя уже после смерти поэта,

все же была построена его наследниками дамба, защищающая Тус и окрестности от наводнения,— мечта юных лет Фирдауси, на осуществление которой он и предназначал весь заработок от „Шахнамэ“.

Здесь не место давать хотя бы эскиз оценки „Книги царей“¹ в целом. Напомню только, что перед нами одна из величайших эпопей человечества, охватывающая мифическую и легендарную историю Персии с зари примитивной культуры до весьма исторического и реального вторжения в VII веке н. э. арабов и ислама включительно. Повествование о „Шахнамэ“ ведется в хронологическом порядке, по царствованиям, длительность которых всегда отмечается, идет ли речь о тысячелетнем владычестве Зохака, семисотлетнем Джемшида, или же об исчисляемых месяцами или даже днями правлениях некоторых из последних Сасанидов. Так как каждое новое правление является легитимным продолжением преды-

¹ Лучше и правильнее было бы: „Книга о царях“.

душего, то получается один непрерывный рассказ, если не считать перерывами те рассуждения о суете мирской, которые попадают иногда в конце отдельных частей. В этом сплошном повествовании выделяются многочисленные эпизоды-вставки, представляющие законченные, самостоятельные единицы — *chansons de geste*, романы, эпико-лирические баллады.

Мифические цифры не должны нас смущать; они свойственны всякому эпическому творчеству. Как здесь дочери Джемшида, когда их к концу тысячелетнего царствования Зохака встречает Феридун, те же красавицы, что и сотни лет назад, так прекрасная Елена не старится; Карлу Великому в дни Ронсевальской битвы свыше двухсот лет, Марко Кралевич умирает трехсотлетним стариком, Илья Муромец, отдаленная и грубая кония Рустема, трехсот пятидесяти лет от роду еще полон ратных и трапезных сил. Рустем погибает глубоким старцем,— по исчислениям выходит, что ему лет шестьсот,— а его родители Заль и Рудабэ и дед Сам оплакивают его безвременную смерть.

„Шахнамэ“ обнимает пятьдесят правлений,

из которых только одно не индивидуальное, а относится к владычеству Ашканидов, то-есть Аршакидов-парфян. Материал старый. Большая часть имен героев в той же хронологической последовательности встречается еще в древнейших частях главной священной книги маздеизма, Авесте, и в древнейшей пехлевийской религиозной литературе¹. Однако далеко не все герои „Шахнамэ“ известны Авесте, так же как далеко не все имена, употребляемые в Авесте, встречаются в „Шахнамэ“. Прежде всего поражает отсутствие в Авесте Заля и Рустема, между тем как Сам превратился в своего рода имя нарицательное. Скорее всего их табуировали впоследствии по религиозным соображениям, ибо родственная связь Заля с потомством Зохака и гибель Исфендьера, главного героя зороастровской веры, от руки во-

¹ В общности индийской Ригведе и иранской Авесте некоторых имен, например *Thraetona* — Феридуи, *Thrita* — Итрит (один из предков Сама Гершаспа), усматривали указание на то, что эти мифы сложились еще в период совместного жительство обоих народов.

обще не слишком правоверного Рустема, конечно, не могли быть приемлемы для строгих маздеистов.

Исконная вера древнего Ирана, так называемый *маздеизм*, дуалистична. С одной стороны, мир света, правды, блага, возглавляемый Ормаздом, который чаще называется просто „богом“ (Йездан, Изед), с другой стороны — мир мрака, лжи и зла, глава которого — Ахриман, он же бес, дьявол, „див“ и, в прошедших через арабскую редакцию пассажах, иногда Иблис, имя арабского или даже исламского дьявола. История мира не что иное, как борьба этих двух равных по силе принципов, их творений и контртворений. Единственное преимущество Ормазда перед Ахриманом состоит в том, что он вследствие присущего ему всеведения знает, что, в конце концов, победа останется за ним, преимущество, которое, хотя в большинстве случаев неосознанное, служит в периоды великих бедствий неисчерпаемым источником бодрости и оптимизма творениям Ормазда. Арена борьбы двух принципов — вся вселенная, в частности микрокосм-человек, как самая ценная, от Ор-

мазда разумом одаренная, частица ее. Эта двойственность творений Ормазда и контр-творений Ахримана и борьба их между собою красной нитью тянутся через всю эпопею. В этом отношении реформа Зороастра, появившегося в царствование Гуштаспа, не внесла никаких существенных изменений. Во всех действиях царей и героев приходится считаться с этой двойственностью.

Второй момент, тесно связанный с первым,— это понятие о легитимности. В древнее время, по представлениям традиции, легитимность царей и их потомков проявлялась в конкретном виде какого-то божественного сияния-ореола, „фарр“, исходящего от данной личности и окружающего ее¹. Впоследствии для установления легитимности было достаточно безупречных документов или показаний безупречных свидетелей.

¹ Иногда *фарр* принимает и иной облик: так, например, во время бегства основателя династии Сасанидов Ардешира с дочерью своего угнетателя, нелегитимного царя Аршакида Ардевана, *фарр* появляется на рогах сопутствующего им барана в виде двух огней, освещающих путь.

Из этих двух принципов-посылок вытекает третий элемент, также крайне важный для понимания эпопеи о царях, а именно то чрезвычайное развитие, которого достигает в ней мораль феодализма. Перед ним меркнет строгость этических норм феодализма европейского средневековья. „Нибелунгова верность“ царю, невзирая на то, прав он или виноват, в древней Персии явление нормальное. Легитимный царь — источник всего ормаздава блага, будь он сам по себе вероломный злодей. Сопротивление воле царя карается небом. Оно, например, влечет за собой гибель Рустема, отказавшегося предстать перед Гуштаспом в кандалах, связанным по рукам и по ногам. Не отрицая своей виновности, Рустем рыцарскую честь сознательно ставит выше вынужденной, в данном случае, лояльности феодала. Для понимания „Шахнамэ“, для психологической оценки действующих в ней лиц необходимо всегда иметь в виду эти три стержня-основы древнеиранской морали: дуализм, божественное происхождение легитимности и чисто феодальное понятие о долге и чести.

Как было упомянуто, мы плохо осведомлены об источниках Фирдауси. Имена дихканов и мобадов, встречающиеся в самой эпопее или в весьма ненадежных предисловиях к „Шахнамэ“, составленных в XV столетии по заказу внука Тимура, Байсонгура, были бы для нас более или менее пустыми звуками, не упомяни о них великий поэт и вслед за ним историки литературы. Исключение представляет разве только дихкан Данишвер¹, редактировавший при последнем Сасаниде Йездегерде III пехлевийскую книгу „Хватаи-намак“, представлявшую полную хронику Персии со времен Кайомарта до Хосру II (590—628 н. э.). Попадаются у Фирдауси иногда вставки в роде: из уст такого-то дихкана или мобада я слышал... или: рассказал мне такой-то... Однако это, мне кажется, скорее поэтический прием для оживления действия, а ближе к действительности, когда он говорит, что „передает только то, что читал“². Возможно также, что ко времени

¹ Хотя даже и здесь неизвестно, имя ли это, или эпитет: буквально — „знание носящий“.

² Мы не знаем, содержали ли упоминаемые у хорошо осведомленного греческого писателя

Фирдауси успели уже сложиться путем так называемого „народного творчества“, на самом деле, конечно, искусством конкретных авторов, имена которых канули в Лету, отдельные сказы, эпико-лирические баллады на излюбленные эпизоды, которыми Фирдауси мог воспользоваться как сырым материалом. Что таковые существовали задолго до него, подтверждает, между прочим, обнаруженный недавно среди согдийских фрагментов Стейна в Британском музее и изданный Рейхельтом¹ плохой сохранности отрывок на согдийском языке из неизвестного в „Шахнамэ“ эпизода борьбы Рустема и Рахша со львами-дивами в каком-то лесу. Под рубрику эпико-лирических баллад хорошо подходят приводимые нами отрывки XIII и XV—XVIII.

Фирдауси слишком добросовестно относится к своим источникам, чтобы, например, в случае наличия двух версий одной и той

конца VI века Агафия „βασιλικαὶ διφθέραι“ также и рассказы, иллюстрирующие эту хронологию.

¹ Н. Reichelt, „Die Soghdischen Handschriftenreste etc“, II (1932), S. 62.

же темы, скомкать или объединить их при помощи собственного вымысла. В таких случаях он их ставит рядом, так сказать на выбор читателя.

Скудость конкретных сведений — особенно это чувствуется, когда речь идет об эфемерных царствованиях конца сасанидского периода, — заставляет прибегать к письмам, чаще к помощи бесконечных назидательных речей царей и вельмож, редко превышающих уровень надоедливых общих мест. Они по содержанию восходят, повидимому, к древним книгам премудростей, подражания которым образуют специальный отдел персидской литературы. Яркие образцы их нудности дают многолюдные придворные собеседования-дискуссии Хосру I Ануширвана (531—579) и его мудрейшего министра Бузурджмихра. Для нас в большинстве случаев плохо приемлемые, они, однако, для ученых старой Персии, обожавших витиеватость и велеречие, представляли эстетическое наслаждение.

С поразительной ловкостью иранская традиция вводит в орбиту легитимности даже

жестокого покорителя древней Персии, Александра Македонского — Искендера. После какой-то победы над Филиппом (Фейлекус) Дараб, предпоследний царь династии Кайанидов-Ахеменидов, женится на его дочери Нахид (арабское имя планеты Анахиты — Венеры), которую он из-за некоего физического недостатка впоследствии отвергает. Нахид, вернувшись на родину, делается матерью Искендера, поход которого на Персию и покорение ее таким образом не что иное, как акт отстаивания своих легитимных прав на престол. Историческим Александром традиция мало интересуется. Она усвоила исключительно разные чудесные приключения его, восходящие к греко-персидскому роману Псевдокаллисфена, сложившемуся еще чуть ли не при жизни его героя и пользовавшемуся чрезвычайным распространением на всем Ближнем Востоке. Искендер, умерший в 323 году до н. э., — в традиции, конечно, христианин, — правит четырнадцать лет.

Последующий, греко-бактрийский период Фирдауси совершенно замалчивает. Парфянам, правившим в Мидии и Хорасане этнически пестрым составом подвластных им

народов, между тем как цари и знать были иранцы, поклонявшиеся Ормазду и огню, он посвящает всего несколько десятков стихов, считая их владычество, которое он сокращает до ста пятидесяти лет, временем анархии, смут и раздоров, когда власть между собой делили какие-то „цари племен“; ряд их имен, связанных с самыми знатными именами древнего периода, он только сухо перечисляет. Это, отчасти по крайней мере, должно, мне кажется, объясняться тем, что культура парфян насквозь пропитана эллинизмом. Вместо того чтобы проследить их сложную историю — затея впрочем безнадежная уже в виду недостатка доступных ему источников,— Фирдауси подробно и с любовью повествует о судьбах последних Кайанидов-Ахеменидов, стараясь установить легитимную связь между ними и новой национальной династией Сасанидов, занявшей в 227 году н. э., в лице Ардешира Бабегана, опустевший престол древних царей.

И вот традиция как будто без перерыва продолжается, теперь, правда, уже на исторической почве. Неоднократно утверждалось, что вся сасанидская часть „Шахнамэ“ не

что иное, как рифмованная хроника. В опровержение такого ошибочного мнения мы даем несколько характерных эпизодов из жизни одного из наиболее блестящих представителей династии, Бахрама V (420—438 н. э.), вполне исторического, однако, как читатель убедится, принявшего в трактовке гениального эпика облик эпического героя, достойного стать рядом с крупнейшими фигурами древнего периода. Силой, отвагой, неистощимой жизнерадостностью, страстью к охоте, вину и женщинам он подчас напоминает Рустема, и не удивительно, что его уже рано признали, наряду с последним, одним из несомненных любимцев народа, усматривающего в нем отражение своих же добродетелей и любимых пороков.

Нельзя отрицать, что тон повествующей об историческом времени части „Шахнамэ“, как это уже отмечалось давно, менее торжествен, чем мифической части, что эпическая невозмутимость, эпическое бесстрашие часто уступает место лирической страстности, что в лексике попадают слова

и обороты, не употребляемые поэтом в мифической части, а также некоторыевольности в стихосложении, однако все это в общем весьма мало заметно и должно быть приписываемо скорее всего возрасту и усталости поэта. Во всяком случае ни о какой грани, ни о каком рубеже, отделяющем по стилю разные части „Книги царей“, по моему, говорить не приходится. Одной тридцатипятилетней длительности работы достаточно для объяснения упомянутых явлений. Восьмидесятилетний Гете писал, естественно, не так, как сорокапятилетний.

Любая выборка двух тысяч стихов из поэмы, насчитывающей их около ста двадцати тысяч, с каким бы умением и вкусом она ни была произведена, не может дать характеристику данного произведения в целом. Мы старались, в виду ограниченного объема настоящей книжки, выбрать несколько ярких эпизодов, могущих дать читателю, незнакомому с персидской эпической литературой и с „Книгой царей“ в частности, некоторое представление о манере изложения и о стиле Фирдауси. Для

сасанидской части мы ограничились восемью эпизодами, относящимися к блестящей и красочной фигуре Бахрама V Гура. Здесь получается некоторая целостность, в противоположность разрозненности мелких отрывков, извлеченных из массы древнего периода, трудно связуемых между собою уже из-за огромности материала, покрывающего несметные мифические тысячелетия, с громадным количеством действующих лиц.

Но настоящий сборник — не последний, и нам удастся познакомить читателя еще и с другими, менее фрагментарными эпизодами из гениального произведения Фирдауси.

Ф. Розенберг.

*Памяти
Федора Александровича Розенберга*

5 июня 1934 года не стало Федора Александровича Розенберга. „Избранные места из Шахнамэ“ были последней его работой, и эта книжка, от начала до конца, создана его трудом. По предложению издательства Academia Федор Александрович составил план антологии из „Шахнамэ“ и, будучи уже неизлечимо болен, лежа в постели, приготовил дословный перевод ряда намеченных им отрывков. Без такого подспорья пишущий эти строки, впервые знакомившийся с персидским языком, не мог бы выполнить своей задачи. Введение, пояснительный текст и примечания Федор Александрович закончил всего лишь за несколько дней до смерти, среди тяжелых страданий.

Критическому исследованию текста „Шахнамэ“ покойный ученый посвятил много лет своей жизни, и любимому труду он остался верен до конца.

М. Лозинский.

**ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ
ШАХНАМЭ**

I. Речь в похвалу разума

„Речи в похвалу разума“ в тексте предшествует обязательное в каждой исламской книге славословие Аллаху. За нею следуют главы о сотворении мира и человека, хвала пророку, заметки о том, как возникла „Шахнамэ“, о Дакики, об одном рано умершем другомеценате и наконец большой официальный панегирик правящему султану Махмуду Газнийскому.

Теперь, о мудрец, подобает облечь
Достоинство разума в слово и речь.
Поведай, что мысли твои сберегли,
И внимлющим истине слух утоли.
Из высших даров, что дарует Изед,
Нет выше, чем разум, прекраснее нет.
Венец властелина державного он,
Краса повелителя славного он.
Бессмертно живущим его назови,
10 Единственно сущим его назови.

Он гонит от сердца унынье и страх,
Он за руку водит в обоих мирах.
От разума счастье твое и беда,
От разума прибыль твоя и нужда.
Он мрачен, и ясный душой человек
Веселым, как прежде, не будет вовек.
Так молвил разумный и доблестный муж,
Чья речь насыщенье для праведных душ:
„Кто разум не выбрал водителем, тот
20 „Поступками сердце свое изорвет.
„Разумный глупцом называет его,
„И свой, как чужого, встречает его“.
В обоих мирах драгоценен ты им.
Кто разум разбил, тот в колодках томим.
Он — око души; оглянися во мгле:
Без ока нерадостно жить на земле.
В творениях первым его напиши.
Хвала ему вечно, — он сторож души.
Хвала языку, и глазам, и ушам,
30 Ведущим и злое, и доброе к нам.
Кто разум и душу прославить дерзнет?
И если дерзну я, чье ухо поймет?
О мудрый, не надо поэтому слов.
Поведай нам лучше начало миров.
Верховным создателем ты сотворен,
И в явном, и в тайном равно умудрен.

Пусть разум твой направляет дела;
Он душу твою не допустит до зла.
По слову изведавших путь избери,
40 Ходи по вселенной, с людьми говори.
Какую б науку твой ум ни постиг,
Покоя в ученьи не знай ни на миг.
Но, ветви увидев, поймешь все равно,
Что знанью до корня дойти не дано.

II. Царствование Кайомарта, первого из царей персидских, тридцать лет было

Что молвит вещающий сказы дихкан?
Кто первый помыслил про царственный сан?
Кто первый венец возложил на чело?
Из памяти мира то время ушло,
И лишь, от отца унаследовав, сын
Расскажет тебе из далеких годин,
Кто имя величия в мире воздвиг,
Кто высшей из высших ступени достиг.

Читавший по книге старинных времен,
10 В которой про витязей сказ сохранен,
Сказал, что престол и венец этот встарь
Воздвиг Кайомарт, первоименованный царь.
Чуть солнце вступило в созвездье Овна —
Настали сверканье, строй, тишина.
В созвездьи Овна так сияло оно,
Что в мире все юностью стало полно.
Тогда Кайомарт начал царство свое.
Он первый на высях построил жилье.
Державство и счастье привел он с высот;
20 Облек в шкуры тигров себя и народ.
От этой поры человечность пошла;
Снедь новой и новой одежда была.
Он тридцать годов над землей был царем,
Как солнце, прекрасен на троне своем,
Сияя с престола, как, светом полна,
Вверху кипариса сияет луна.
Его красоту увидав издали,
К нему прибежали все звери земли,
Стояли, склонясь, у престола его,
30 И тем умножалось его торжество.
Они приходили к нему на поклон,
И он с того места давал им закон.
Был сын у владыки, прекрасный лицом,
Умом, славолюбием схожий с отцом.

То был Сиямек, что сиял, как заря.
Жила только сыном душа у царя.
Он миру был рад, созерцая его,
Стволом многоветвенным чая его.
Он плакал, над жизнью любимой дыша,
40 Боязнию разлуки горела душа.
Над этим немалое время прошло;
Держава владыки сияла светло.
Врага он не знал среди ведомых стран,
Но злобствовал втайне злодей Ахриман.
Лукавый завистник, исполненный зла,
Мечтал, как бы шире расправить крыла.
Был сын у него, как прожорливый волк,
Отважный, и с ним многочисленный полк.
Он к бою собрался и двинулся в путь,
50 На царский престол и венец посягнуть.
Стал черен для бесова детища свет,
Что царь и царевич не ведают бед.
Он всем исповедывал замысел свой,
Весь мир о себе он наполнил молвой.
Но как Кайомарт сам услышал о том,
Что зло посягает на царственный дом?
Внезапно явился блаженный Серош,
На вестника в тигровой шкуре похож,
И тайно узнал от него властелин,
60 Что́ враг замышляет и с ним его сын.

III. Убиение Сиямека рукою дива

Как только к царевичу слово дошло
Про мерзостным дивом творимое зло,
Волнующий гнев ему сердце затмил,
Он войско собрал, шире уши открыл,
Надел шкуру тигра, затем что брони
Еще не носили в те давние дни,
И лютого беса пошел поборать.
Когда с вражьей ратью сошлась его рать,
Царевич, нагой, вышел биться вдвоем
10 И бесова сына схватил в рукоем.

Вонзил ему когти в нутро черный див,
И, надвое тело ему преломив,
Его он во прах уложил наповал,
Когтями утробу ему изорвал.
Погиб Сиямек от нечистой руки,
Безглавы и сиры остались полки.
Как царь услышал, что царевича нет,
От горя ему черен сделался свет.
С престола сошел он, стена и скорбя,
20 Ногтями до крови терзая себя;
И щеки в крови, и душа пронзена;
Судьба Кайомартова стала мрачна.
Народ опечалился скорбью царя,
В том пламени горя душою горя.
Войска огласились воплем беды,
Пред царскою ставкою стали в ряды,
Одежда вся синяя, как бирюза,
Лицо, как вино, и кровавы глаза.
И звери, и птицы толпой собрались,
30 Пришли с громким плачем на горную высь,
С великой тоской и печалью пришли;
Престол властелина терялся в пыли.
Так, сердцем скорбя, провели они год.
И весть Кайомарту всеправедный шлет.
Принес ему слово блаженный Серош:
„Ты горе забудешь и разум вернешь.

„Войска снаряди, как скажу я, и двинь,
„Зловредное скопище в прах опрокинь,
„Очисти от беса просторы земли
40 „И местию сердце свое утоли“.
Тогда Кайомарт поднял к небу чело,
Моля ниспослать на зломысленных зло:
Йездан его к славе высокой вознес,
Ресницы его осушились от слез.
Не знал он, о мщеньи ревнуя своем,
Ни сна, ни покоя ни ночью, ни днем.

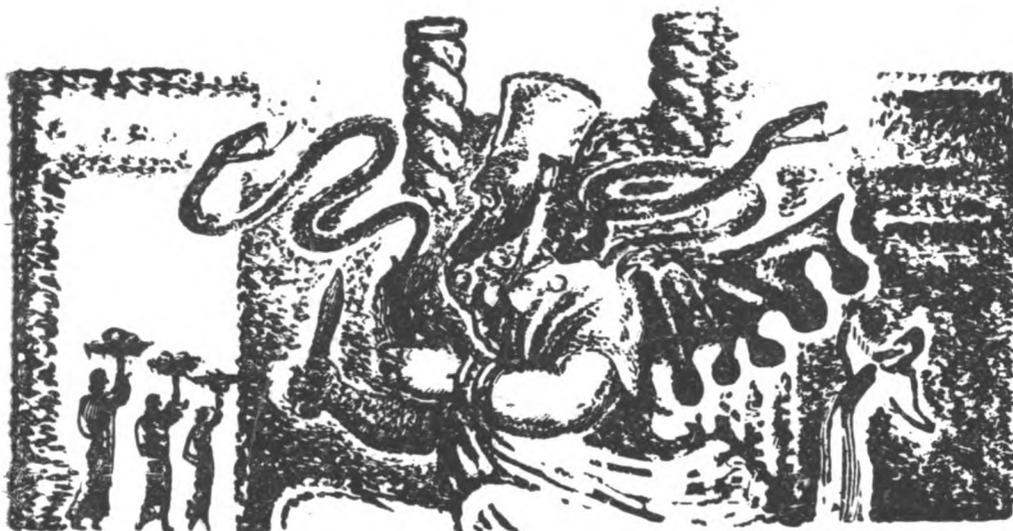

IV. Поход Хушенга и Кайомарта на бой с черным дивом

Блаженного сына имел Сиямек,
И дед его царским дастуром нарек.
Блистательный имя Хушенга носил,
И разум, и доблесть в себе совместил.
Для старого деда он — память отца,
Дед в нежных объятьях лелеял юнца.
Дед видел родимого первенца в нем,
Очей ни на ком не покоил другом.

Дух к мести направив и к лютой борьбе,
10 Призвал молодого Хушенга к себе.
Всю правду грядущего внуку открыл,
Всех тайн сокровенных науку открыл.
„Великую рать снарядить я хочу,
„Воинственный клич возгласить я хочу.
„Ты стань во главе, выступая на бой;
„Лета мои в прошлом, ты — вождь молодой“.
Он скликнул пери, скликнул тигров и львов,
И яростных барсов, и диких волков,
Дружины из птиц, и зверей, и пери;
20 Вождь горд, и силен, и светлее зари.
Сам царь Кайомарт за полками идет,
А внук впереди меж бойцами идет.
Страшась и боясь подошел черный бес,
Высокую пыль возмутил до небес.
И вот на глазах у владыки царей
Ослаб он когтями от рева зверей.
Сошлись обе рати, вражду затая.
Опешили дивы при виде зверья.
Хушенг, льву подобный, десницу простер,
30 Стеснил над нечистым земной кругозор;
Содрал с него кожу и выхватил меч,
Срубил неподобную голову с плеч.
Растоптан воителем гнусный мертвец,
Разодрана кожа — и делу конец.

Когда завершились и месть, и борьба,
Царя Кайомарта свершилась судьба.
Ушел, и пребыл этот мир без него.
Смотри: этот мир не почитит никого.
Обманчивый мир Кайомарт собирал,
40 Он пользе учил, но ее не познал.
Обманчивый мир — только ложь и мара,
Никто не удержит ни зла, ни добра.

V. Поварское искусство Иблиса

Первый натиск извечного врага, духа мрака и зла — Ахримана — отбит. Основы цивилизации и культуры положены. Непосредственные преемники Кайомарта — в древнеиранском представлении он отнюдь не первый царь, а первичный человек, „бык-человек“ — развивают дело предка: Хушенг выбивает огонь из камня и открывает железо, Тахмурас подчиняет себе временно беса мрака, а в долгое царствование Джемшида (семьсот лет) благосостояние иранской земли доходит до неслыханного и невиданного расцвета. Люди не болеют и не мрут, и вся страна

превращается в цветущий рай. Под конец жизни зазнавшийся под влиянием Ахримана Джемшид, считая себя не только устройтелем, но и создателем мира, требует для себя божеских почестей, вследствие чего феодалы и вассалы отворачиваются от него, междоусобица раздирает страну, и взоры вельмож устремляются вдаль, с тем чтобы для водворения порядка призвать иноплеменного царя.

Выбор падает на сына достопочтенного царя арабской пустыни, Мердаса, по имени Зохак, в древнеиранском мифе — Ажи-Дахака, „змей“. Еще до своего воцарения в Иране Зохак подчиняется бесу, тот его подстрекает к убийству отца, приучает к мясной пище и всячески развращает его.

И он обернулся юнцом, телом чист,
Душой прозорлив и устами речист.
Тотчас же Зохаку предстал, и была
Беседа и речь его только хвала.
Сказал ему: „Если угодно царю,
„Я славлюсь, как повар; искусно варю“.
Царь ласковым словом ответил ему
И место, где стряпать, наметил ему.
Дастур-предводитель, высок и могуч,
10 От царской поварни вручил ему ключ.
В ту пору была необильна еда.
Убоины люди не ели тогда.

Одни только в пищу растения шли
И все, что встает головой из земли.

Злодей Ахриман сам помыслил с собой
И в сердце взлелеял звериный убой.
Из всякого рода и птиц, и зверей
Он пищу готовил владыке царей.
Кормил его кровью, как кормится лев,
20 Чтоб в сердце его жили смелость и гнев,
Служить его каждому слову был рад
И воле его отдал душу в заклад.
Сперва он желтки ему есть подносил,
Поддерживал этим могущество сил.
Царь ел, и звучала его похвала;
В усладу счастливому пища была.
Так молвил Зохаку Иблис-чародей:
„Да здравствуешь вечно, властитель людей!
„Ты завтра такие увидишь блюда,
30 „Что будет твоя совершенна еда“.
Ушел, и мечтам на всю ночь предался,
Какие состряпать царю чудеса.
На утро, лишь только лазоревый свод
Сияющий яхонт вознес до высот,
Он подал блюда, торжеством пронизан:
На них куропатка и белый фазан.
Царь руку простер и худому уму

Позволил затмиться любовью к нему.
На третий же день были дичь и баран;
40 Их мясо искусно смешал Ахриман.
Потом, на четвертый, его же рука
К обеду изжарила спину бычка;
Душистыми розами, хмелем вина,
Шафраном и мускусом пахла она.
Зохак приложил свою руку и ел,
Дивуясь, как повар смышлен и умел.
Он молвил: „Вот! Милость любую проси,
„Любое желанье свое огласи“.
В ответ ему повар: „О царь, век живи,
50 „И силу, и радость своими зови!
„Любовью к тебе мое сердце полно,
„В лице твоём пищу находит оно.
„Одно перед мощным желанье в нем есть,
„Однако же слишком мала моя честь,
„Чтоб к царским плечам я лобзаньем приник,
„Лицом и глазами припал к ним на миг“.
Когда услышал эти речи Зохак,
Он втайне не попял, что думает враг.
Он молвил: „Исполнится воля твоя.
60 „Быть может, возвысится доля твоя“.
Дозволил, как другу, чтоб плеч его див
Коснулся, лобзание к ним приложив.

Бес дал поцелуй и под землю исчез.
Никто не запомнит подобных чудес.

Две черных змеи потянулись из плеч.
Царь, в горе, не знал, как себя оберечь;
Искал исцеленья и срезал их он.
Но если ты внемлешь, пребудь изумлен:
Как ветви, из плеч у владыки земли
70 Те черные змеи опять отросли.
Собралось немало искусных врачей,
И сказано было немало речей.
На всяческий лад заклинанья твоя,
Не знал ни один, чем избавить царя.
Тогда-то Иблис, притворившись врачом,
С премудрою речью предстал пред царем.
Сказал: „Дело ясно, и ты этих змей,
„Пока они живы, калечить не смей.
„Корми их, чтоб их усмиряла еда,
80 „Другого пути не ищи никогда.
„Питай их единственно мозгом людским,
„Быть может, уморишь их кормом таким“.
Скажи, что предвидел злокозненный бес,
Чего добивался от этих чудес?
Иль он замышлял, так Зохаку веля,
Чтоб стала пустой и безлюдной земля?

VI. Сказ о Зохаке и Кавэ-Кузнеце

Зохак с большой армией вторгается в Иран, усмиряет непокорных, распиливает пополам долго скрывавшегося царя Джемшида и своей жестокостью держит в страхе всю страну. Эпизод о Зохаке изобилует анахронизмами и отражает, вероятно, предание о каком-то чужеземном, семитическом, скорее всего ассиро-вавилонском вторжении в Иран. Источником Фирдауси для этого эпизода послужила, очевидно, позднейшая арабская версия, на что, между прочим, указывает как целый ряд арабских, совершенно анахронистических географиче-

ских названий вместо иранских, так и замена иранского Ахримана арабским, даже больше — исламским дьяволом, Иблисом. Распространяя страх, Зохак сам живет в постоянном страхе перед явившимся ему во сне легитимным отпрыском прежних царей, Феридуном, жертвою которого ему суждено пасть. Наш отрывок VI застаёт его в собрании придворных, которых он вынуждает выдать ему за подписями *votum* доверия.

Страшась Феридуна, и ночью и днем
Зохак говорил неумолчно о нем.
От ужаса сгорбился стан у него,
И жутью был дух обуян у него.
Однажды, воссев на престол костяной,
Надев бирюзовый венец вырезной,
Он скликнул правителей всех областей,
Чтоб выправить спину державе своей.
И так он мобадам сказал: „О жрецы,
10 „О полные всяких даров мудрецы!

„Один у меня потаенный есть враг;
„Для мудрого, кто он — понятно и так.
„Нельзя и ничтожным врагом пренебречь,
„Чтоб лютой судьбы на себя не навлечь.
„Мне надобно войско сильней раза в три
„И дивов прибавить к бойцам, и пери;
„Хочу снарядить многомогущую рать,
„С бесами людей воедино смешать.
„И вам долженствует мне в этом помоч
20 „Затем что терзаться мне больше не в мочь.
„Вы грамоту мне напишите о том,
„Что царь свое царство засеял добром,
„Что правду его изрекает язык,
„Что он справедливость лелеять привык
Боясь прогневить властелина земли,
Правители в этом ему помогли,
И змееву грамоту, рад иль не рад,
Своею рукою скрепил стар и млад.

В то время послышался крик у ворот
30 Как будто бы кто к правосудью зовет
Обижанца кликнули в царский покой,
Сажали в единый с вельможами строй
Царь молвил, нахмуясь и духом скорбя
„Скажи, человек, кто обидел тебя?“
Тот вскрикнул, бия по своей голове:

„Я требую правды, о царь, я Кавэ!
„Воздай справедливость! Я мчался бегом,
„Рыдая в душе о насильи твоём.
„Была б справедлива держава твоя,
40 „О царь, укрепилась бы слава твоя.
„Великой обидой меня ты гнетешь,
„Без устали в сердце вонзаешь мне нож.
„Когда я казним не по воле твоей,
„Зачем истребил ты моих сыновей?
„Я их восемнадцать вскормил, господин;
„Теперь мне на свете остался один.
„О царь, подари хоть последнего мне,
„Пойми: моя печень все время в огне.
„Скажи, что я сделал? Вину укажи,
50 „И если я прав, не выдумывай лжи.
„На муки мои, венценосец, взгляни,
„От пущих мучений меня охрани.
„От горя спина моя стала крива,
„Безрадостно сердце, болит голова.
„Ушла моя юность, детей моих нет,
„А связей прочнее не ведает свет.
„Насилью бывает разгар и предел,
„Бывает предлог для насильственных дел.
„Каков твой предлог? Молви, дай мне ответ:
60 „За что на меня ты навел столько бед?
„Я мирный кузнец, неповинен ни в чем,

„А ты мою голову мучишь огнем.
„Ты царь, и хотя по обличью ты змей,
„Но в деле моем справедливость имей.
„И если ты царь всем семи поясам,
„Зачем благоденствуешь только ты сам?
„Придется тебе учинить мне отчет,
„Такой, что весь мир в изумленье придет.
„Быть может, отчет твой поведаст нам.
70 „Как очередь вышла моим сыновьям
„И как ты мозгами моих сыновей
„За каждой трапезой кормил своих змей“...

Владыка дослушал его до конца,
Дивясь это слышать из уст кузнеца.
И сына они возвратили ему,
И всякими ласками льстили ему.
Потом повелитель ему приказал,
Чтоб он свою подпись под грамотой дал.
Кавэ как прочел эту грамоту сплошь,
80 Он тут же вскричал на чиновных вельмож:
„Вы, бесовы пешки, пред царским лицом
„Сердца оскопившие в страхе своем!
„Вы к аду лицо обратили свое,
„Предательством сердце растлили свое.
„Не я свою руку сюда приложу,
„Не я о владыке земли потужу“.

Охваченный дрожью, он крикнул и встал,
И грамоту их, разорвав, истоптал,
И, сыном сопутствуем, с криком, бегом
90 На улицу выбежал прочь из хором.

Вельможи Зохаку хвалу вознесли.
„О славный,— сказали,— владыка земли!
„И ветры небесные в день боевой
„Не смеют дышать над твоей головой.
„Зачем неучтивый речами кузнец,
„Как ближний, приходит к тебе во дворец?
„Он грамоту нашу союзную рвет,
„Державною волей твоей небрежет.
„Ушел он, и мщением сердце полно,
100 „Как если бы он с Феридуном одно.
„Гнуснее никто не видал ничего;
„Мы все столбенеем от дела его“.
Царь славный промолвил в ответ их словам:
„Я дивное чудо поведаю вам.
„Как только Кавэ в эти сени проник
„И мне до ушей долетел его крик,
„Меж нами двумя, никому не видна,
„Как будто железная встала стена.
„А как он руками стал голову бить,
110 „Тут в сердце моем словно лопнула нить.

„Не знаю, что будет от этих чудес,
„Затем что неведома тайна небес“.

Как вышел Кавэ из дворцовых ворот,
Столкнулся кругом на базаре народ.
А он все кричал, защитить его звал,
Всех в мире людей рассудить его звал.
Взял кожаный фартук, которым перед
Кузнец прикрывает, как молотом бьет,
К вершине копья прикрепил его сам,
120 И пыль на базаре взвилась к небесам.
Кричал и расхаживал, знамя неся:
„Эй вы, кто Йездану душой предался!
„Когда к Феридуну сердца ваши льнут,
„Вы сбросите с шеи Зохаков хомут.
„Мы все, как один, к Феридуну пойдем,
„Под сенью величья его отдохнем.
„Скажите, что ваш господин — Ахриман,
„К создателю мира враждой обуян.
„Мы этим ничтожным, худым лоскутом
130 „Друзей и врагов голоса разберем“.
Он шел все вперед посреди удальцов,
Немало собралось их с разных концов.
Он знал, где ему Феридуна найти,
Поник головою и шел по пути.

К дворцу молодого царя подошли,
Взгремели, завидев его издали.
Царь, кожу приметив прибитой к конью,
Звезду в ней увидел благуя свою.
Ее изукрасил румийской парчой,
140 Узорным камнем в красе золотой.
На древко насажен был шар, как луна;
Царю благовестьем казалась она.
Малиновым, желтым и алым светла,
Хоругвь у царя кавейанской слыла.
Впоследствии все, кто престол занимал,
Кто голову шапкой на царство венчал,
На этот ничтожный лоскут кузнеца
Дарили камней цветных без конца.
Из ценной парчи, из расшитых шелков,
150 Стал царственный стяг понемногу таков,
Что ночь озарял он, как солнце горя,
Надеждою сердце вселенной даря.

VII. Феридун делит мир между сыновьями

Тем временем Феридун подрос, вся страна стала на его сторону, и он, развернув кавейанское знамя, пошел походом на Зохака. Связав, он приковывает его к скале в одной из пещер горы Демавенда. У него три сына: Сельм, Тур и Иредж, которых он женит на трех дочерях царя Йеменского. Сельм считается родоначальником семитов, Тур родоначальником туранцев. В представлении Фирдауси последние — турки, говорящие по-турецки (еще один из многочислен-

ных анахронизмов). Скорее всего это те же иранцы, но кочующие, то-есть отсталые в культурном смысле, поклонники старой веры с культом Ахримана и поэтому естественные враги собственно иранцев, оседлых поклонников Ормазда. Феридун задумал разделить мир между сыновьями, судьбу которых он старается узнать в мудрых книгах.

Потом о звездах круговратных высот,
Которых природу явил звездочет,
Он книгу достал, положил пред собой,
Своих сыновей озабочен судьбой.
Нашел сочетанье для Сельма-бойца:
То был Муштари посредине Стрельца;
Для храброго Тура чертеж рассмотрев,
Увидел, что Солнцу хозяином Лев;
И так же была для Иреджа видна
10 В созвездии Рака идущей Луна.

Ему обнаружила эта звезда,
Что сына постигнут война и беда.
Стал горестен царь, видя знаки светил,
Холодный из печени вздох испустил.
Он понял, что воля небесных высот
Иреджу любви и подмоги не шлет,
Что в них к светлодушному сыну его
Иного, чем злобное, нет ничего.

Познав сокровенную тайну светил,
20 Вселенную на-трое он разделил.
Часть — запад и Рум, часть — Китай и Туран,
А третья — пустыня бойцов и Иран.
Сначала на Сельма направил он взгляд,
Назначил в удел ему Рум и закат;
Велел ему войско поспешно собрать
И тотчас на запад вести эту рать.
Воссел славный Сельм на престоле своем,
Его величали закатным царем.
В наследие Туру царь отдал Туран,
30 Турецкий народ и Китай ему дан;
Велел ему войско немедля стянуть,
И Тур с этим войском отправился в путь.
Пришел и воссел на престол, полон сил,
Себя препоясал и руку раскрыл;
Каменьями звать осыпала его,

Туранским царем величала его.
Пришел и Иреджу черед наконец;
Иран ему в долю назначил отец,
Иран и страну копьеносных людей,
40 Престол и венец миродержных вождей.
Он знал, что спокойно их может вручать,
И шапку, и перстень, и меч, и печать.
Вожди, одаренные мудрым умом,
Его величали иранским царем.
Воссели все трое, покоя сердца.
Наместники славного родом отца.

VIII. Из эпизода

„Сам видит сына во сне“

Некоторое время все трое управляют своими уделами, наслаждаясь царской властью. Однако затаенная зависть и ненависть старших братьев к любимцу отца Иреджу только дремлют, вскоре они примут вид открытых угроз. Иредж, желая мирным путем уладить семейные распри, отправляется к братьям один, без войска. Его убивают и набальзамированную голову его, в виде вызова, посылают отцу. Феридун, потрясенный до глубины души гнусным убийством, мечтает только о мести. Однако она далеко. Нет ле-

гитимного мстителя. После смерти Иреджа одна из его жен оказалась беременной. У нее родится дочь. Только что возмужавшую Феридун выдает за своего племянника, и она становится матерью долгожданного мстителя, Миночехра, по физическому сходству и доблестям „второго Иреджа“. Чтобы представить знати подрастающего, хотя еще несовершеннолетнего правнука, Феридун созывает собрание феодалов и вельмож всех стран иранской земли. Здесь впервые появляется на сцене род Рустема, которому суждено отныне стать центральной фигурой мифической части эпоса. Выдвигается дед его Сама, сын Наримана, владетельный князь юга, то есть Систана, обнимающего южную часть Афганистана с прилегающими странами северо-западной Индии (Arachosia — Drangiana). Ему, представителю младшей линии легитимных царей, пожалованному саном „пехлевана (витязя) мира“, и его всестороннему попечению Феридун поручает юного царевича Миночехра. Роль Сама впоследствии переходит к Залю и к Рустему, являющемуся главной опорой — часто оппозиционного уклона — всех последующих, мифической длительности, царствований.

Тем временем снаряжается поход на братьев, под предводительством Миночехра и при участии всех великих воинов — старика Кавэ-кузнеца, его сына Карэна, Сама и других. Сельм и Тур, осведомленные о том,

что творится в Иране, посылают отцу льстивые и лживые уверения в покорности и раскаянии, причем не обходится без кровных оскорблений по адресу Миночехра, которого Тур называет „царевичем без отца“. Когда стало известно, что неприятельские войска перешли Джейхун (Аму-Дарья), вторгаясь в пределы Ирана, Миночехр выступает с трехсоттысячной армией. После ряда блестящих побед царевич собственноручно убивает Тура, а потом Сельма и отсекает им головы, которые посылает отцу. Обещав широкую амнистию знати и вельможам как румским, так и туранским, против воли втянутым в эту несправедливую войну, он, убедившись в их покорности, победоносно возвращается в Иран, с расprostертыми объятиями принятый престарелым Феридуном. Тот сажает его на царский престол, надевает на него венец и, удовлетворенный долгожданной местию, уставший от жизни, уединившись, готовится к смерти. После официального траура воцарившийся со всей помпой Миночехр отпускает верных феодалов; среди них и Сам возвращается в свои южные владения.

Сам бездетен. Через некоторое время его любимая жена производит на свет сына, во всех отношениях совершенного, за исключением волос, которые оказываются белыми, как у старика. Сам в ужасе усматривает в этом уродстве руку Ахримана. Боясь издевательства вельмож и обвинения

в скрытом культе духа мрака, Сам в злобе своей велит бросить новорожденного на произвол судьбы у дикого подножия горы Эльбурза (Индия), на которой живет в своем гнезде чудесная царь-птица Симург, создание Ормазда. Симург, вылетев за добычей для своих птенцов, видит беспомощно лежащего на солнцепеке малютку, бережно подбирает его когтями и уносит к себе в гнездо. Вместо молока он дает ему сосать кровь самых нежных кусков добычи. Проходят годы; младенец стал прекрасным юношей, с густыми белыми волосами. Уже давно караваны распространяли слухи о чудесной птице и таинственном юноше, и вот однажды Сам видит вещий сон. Едет из Индостана на арабском коне блестящий рыцарь, прямо к нему во дворец, и подробно рассказывает про живущего в гнезде Симурга брошенного сына. Во втором сне в ту же ночь Сам видит под развевающимся знаменем блестящего витязя, окруженного многочисленным войском и сопровождаемого мобадом и великим мудрецом. Оба они жестоко упрекают Сама в бесчеловечности и в измене основным велениям Ормазда. С диким криком Сам просыпается.

Проснувшись, к себе он призвал мудрецов,
Построил рядами верховных бойцов,
Помчался к подножию горных стремнин,
Искать, не найдется ли брошенный сын.
И видит он гору, к звездам взнесена,
Ты скажешь — Сурайю хватает она.
Увенчана круча высоким гнездом,
Его и Кайван не достигнет вредом.
Вколочены сваи — сандал и эбен,
10 Из бревен алая сплетение стен.
Сам глянул на дикие скалы, туда,

На грозную птицу, на ужас гнезда.
В Симаке вершиной чертог водворен,
Без камня, без глины, без рук сотворен.
И юноша статный скалу под гнездом,
На Сама похожий, обходит кругом.
Пал ниц пехлеван, прах ланитами тря,
Зиждителю мира хваленье твоя,
Что птицу такую он свел на утес,
20 Вершину скалы до Сурайи вознес.
Он понял, что это всемогущий судья,
Из высших превысший, творец бытия.
Он долгое время тропинку искал,
Которой бы звери ходили меж скал,
Взывая, всю гору кругом обошел,
И хода к вершине нигде не нашел.
И молвил: „О ты, что превыше всех мест,
„И светлого лука, и солнца, и звезд!
„В мольбе голова опустилась моя,
30 „От страха душа истребилась моя.
„Когда в этом юноше чистый мой род,
„Не подлая кровь Ахримана живет,
„Дай руку рабу, чтобы мог он взойти,
„И этому грешному грех отпусти“.

Едва сокровенное вымолвил Сам,
Как тотчас же внял правосудный мольбам.

Симург посмотрел с вознесенных зубцов
И понял, увидев царя и бойцов,
Что царь ради сына приехал сюда,
40 Для птицы не взял бы такого труда.
Так молвил Симург сыну Сама: „О ты,
„Возросший в гнезде и в жилие нищеты!
„Тебе я кормилец, питатель тебе,
„И мамка, и счастья податель тебе.
„Тебе я когда-то дал имя Дестан,
„Затем, что отцом ты был ввержен в обман.
„Когда ты вернешься к чертогам своим,
„Пусть витязь-наставник зовет тебя им.
„Родитель твой — Сам, мировой пехлеван,
50 „Надменнее всех, кто к величью призван.
„Он, сына ища, к этим кручам пришел,
„К тебе в этом блеске могучем пришел.
„Пристало теперь, чтобы взял я тебя,
„Чтоб здоровым отцу передал я тебя“.
Как выслушал юноша этот рассказ,
Стал горестен, хлынули слезы из глаз.
Хотя он и жил, от людей отлучен,
Их речи Симургом он был научен;
Симурговым голосом молвил слова,
60 Обширен был ум и стара голова;
Исправны рассудок, и ум, и язык;
С Йездановой помощью силой велик.

И вот что Симургу сказал он в ответ:
„Как видно, наскучил тебе твой сосед.
„Гнездо твое — стольный дворец для меня,
„Крыла твои — светлый венец для меня.
„Я после творца благодарен тебе:
„Легко было жить мне в тяжелой судьбе“.
Такой дал ответ: „Чуть увидит твой взгляд
70 „Престол, и венец, и державный обряд,—
„Быть может, и сам не захочешь гнезда;
„Так сделай попытку, отправься туда.
„Не ради вражды удаляю тебя,
„На царство и власть отпускаю тебя.
„С тобою мне здесь хорошо, но тебе
„Отраднее в той, а не в этой судьбе.
„Тебе я вот это перо отдаю,
„С ним мощь на тебя простираю мою.
„И если б тебе утеснение пришло,
80 „Неправая речь про добро и про зло,
„В огонь брось перо, и ты в этот же миг
„Увидишь, насколько я мощью велик.
„Ведь ты же взлелеян под сению крыл,
„С птенцами моими тебя я вскормил.
„Я тотчас, как черная туча, приду,
„Умчу невредимым к родному гнезду.
„Люби свою няню и помни ее.
„Любовью к тебе рвется сердце мое“.

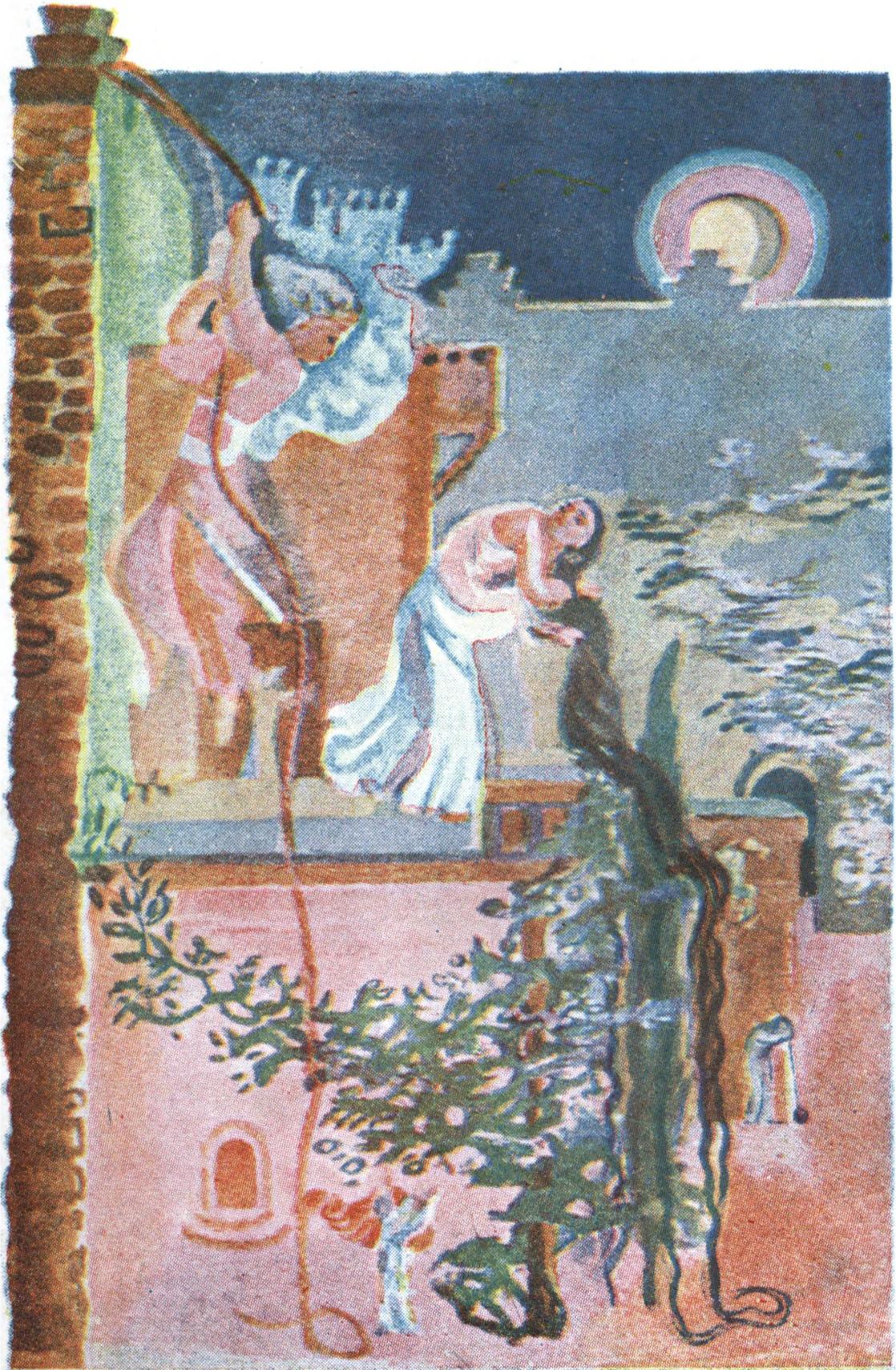
Он сердце его успокоил, и взял,
90 И быстро наверх облаками помчал,
И к Саму Дестана с полета принес.
Спадали на грудь ему пряди волос;
Слоновое тело, лицо, как весна.
Увидел отец, слезы выжгла вина,
Тотчас головой пред Симургом поник,
Хвалы и моления усердно воздвиг.
„Царь птиц,— он сказал,— бог тебя наделил
„Могуществом, доблестью, крепостью сил
„За то, что ты людям спаситель в беде,
100 „Всех праведней правду творящих в суде.
„Чтоб кары за злое никто не избег,
„Таким же могучим останься навек!“
И тотчас Симург отлетел на зубцы;
Следили за ним пехлеван и бойцы.
Затем Сам глазами окинул юнца:
Достоин престола, достоин венца.
Лик — солнце, и львиные грудь и плеча,
Рука богатырская алчет меча.
Глаза точно смоль, и уста как коралл,
110 Ресницы белы, и ланиты как лал.
Все, кроме волос, совершенное в нем,
Изъяна нельзя обнаружить ни в чем.
Как радостный рай стало сердце отца;
Он чистого духом восславил юнца.

„О сын,— он сказал,— что прошло, то забудь,
„Согрей свое сердце и ласковым будь.
„Я, низший из низших рабов судии,
„Раз снова вернулся ты в руки мои,
„Клянусь самосущим владыкой миров,
120 „Что сердцем вовеки не буду суров
„И все твои прихоти, к злу и к добру,
„Отныне законом себе изберу“.
И тело его богатырским плащом
Покрыл он и двинулся горным путем,
Спустился с горы и коней дать велел,
Наряд, украшенья царей, дать велел.
Заль-Зер ему имя нарек пехлеван,
Как прежде Симург его назвал Дестан.
Все войско к вождю поголовно пришло,
130 С раскрытой душою любовно пришло.
Литаврщики всех впереди на слонах;
Как Нил, подымался громадою прах.
Звон труб, барабанов, индийских звонцов,
И с ними литых золотых бубенцов.
Наездники двинулись, громко крича,
Обратной дорогой с весельем скача,
И в город, ликуя удаче, вошли,
Одним пехлеваном богаче пришли.

IX. Заль идет в Рудабэ

Первым делом Сам с сыном едут на поклон к царю царей Миночехру, который очарован молодым княжичем. Всячески обласкав и отца и сына, царь их милостиво отпускает на родину, снабдив Сама новой инвеститурою на области Юга, Систан (греческое Дрангиана) и Забул (греческое Арахозия). Сам, в виду ожидающих его ратных дел, передает управление государством сыну. Заль, считая долгом ознакомиться со своими вассалами, вскоре отправляется с большой свитой в объезд-ревизию. В первую очередь он направляется по соседству к царю Ка-

бульскому, могущественному, доблестному витязю Михрабу, с которым их с первой же встречи связывает сильная взаимная симпатия. Однако, когда Михраб зовет Заля в свой дворец для дружеского винопития, тот наотрез отказывается, ибо Михраб, так же как и его жена Синдухт, происходят из рода Зохака-араба, злейшего, в прошлом, врага Ирана, и поклоняются идолам. Еще в дороге, тем более при дворе, только и речи, что о чудной красоте дочери Михраба — Рудабэ, и пылкий Заль страстно в нее влюбляется. Такая же страсть обуревает и Рудабэ, решившую никому не принадлежать, кроме белокурого красавца-царевича. Местом свидания может, конечно, быть только жилище Рудабэ, время неизвестно. Каждый вечер влюбленный Заль бродит по окрестностям, и вот однажды...

Как только невидим стал солнечный луч
И заперли двери, и спрятали ключ,
Служанка царевны к Дестану пришла:
„Иди, мол, поспешно; в порядке дела“.
Боец повернулся к дворцу Рудабэ,
Как тот, кто чету выбирает себе.
Глядела с дворца черноокая вниз,
Под полной луной молодой кипарис.
Когда издали появился сквозь ночь
10 Сын Сама могучего, царская дочь
Отверзла кораллы и голос дала:

„Преславному юноше честь и хвала.
„Дары миротворца да будут с тобой,
„Свод неба да будет твоею землей.
„Служанка моя веселиться должна:
„Ты с ног до чела, как сказала она.
„От ставки неблизко досюда дойти;
„Державные ноги устали в пути“.

Услышал Дестан этот голос с дворца,
20 Взглянул, встретил взорами солнце лица.
От этой жемчужины кров засиял,
Земля от ланит ее стала, как лал.
Он молвил: „О месяц, тебе мой привет,
„Тебе да подарит блаженство Изед!
„Как много ночей, перед ликом светил,
„К святому Йездану я вопль возносил,
„Моля, чтобы тот, кто над миром велик,
„Позволил мне втайне увидеть твой лик!
„И вот меня голос обрадовал твой
30 „И нежные речи с их лаской живой.
„Но надо бы способ к свиданью найти,
„А то ты на крыше, а я на пути“.
Подруга пери услышала вопрос,
Распутала петли гранатовых кос,
Спустила ему с кипариса аркан,
Какой еще не был из мускуса ткан;

С кудрею кудря, со змеею змея
Сплетались, за прядями пряди вия;
Развились, с зубчатой стены потекли,
40 Достали те кудри до самой земли.
Потом ему голос дала Рудабэ:
„О витязь, рожденный к высокой судьбе!
„Теперь поспеши, разверни львиный стап
„И царские руки свои, пехлеван.
„За черную петлю хватайся смелей;
„Ведь надо же мне быть петлею твоей“.
Взгляд бросил на ту луноликую князь,
В диковину речь ему эта прилась.
Он гладил лобзаннями мускус петли,
50 До слуха невесты их звуки дошли.
Такой дал ответ: „Так нельзя для меня.
„Такого под солнцем не станется дня,
„Чтоб я на безумную поднял копье,
„В болящее сердце вонзил острие“.
Дестан взял аркан у раба своего,
Заправил петлей и закинул его,
Кольцом зацепил за высокий зубец,
Поднялся с земли в один взмах на дворец.
На кровле воссел он, и, ликом светла,
60 Царевна с поклоном к нему подошла,
Схватила рукой его руку она,
И оба пошли, словно выпив вина.

С высокого крова спустилась она,
С могучей рукою рука сплетена.
Они к златозарным сениям подошли,
В горящую светом палату вошли.
Как райский она изукрашена сад,
Рабы перед гурией стройно стоят.
Меж тем околдован был Заль золотой
70 Ее волосами, лицом, красотой;
В запястьях, в серьгах, в ожерельях, она
Парчей и камнями цвела, как весна.
Ланиты ее — как тюльпаны в лугах,
Колечко к колечку ложится в кудрях.
А Заль, величав, как властитель царей,
Сидел рядом с месяцем, в славе своей.
На персях его закаленный кинжал,
Венец на челе его лалами ал.
Глаза на него Рудабэ возвела
80 И глаз от него отвести не могла,
От силы и блеска, от стана и рук,
Дробивших скалу булавою, как сук.
Лицом его сердце ее зажжено;
Чем больше глядела, тем жарче оно.
А он целовал и ласкал, охмелев.
Ведь как на онагра не кинется лев?
Он так говорил: „Кипарисовый стан,
„Серебряногрудая, сладкий дурман!

„Когда Миночехру расскажут про нас,
90 „Никак не одобрит он этот рассказ.
„И Сам, сын Нейрема, мой выбор кляня,
„Кишетъ будет пеною против меня.
„Но я свое тело и жизнь не ценю,
„Я их, не жалея, на саван сменю.
„Я клятву даю перед ликом творца,
„Что верность тебе сохраню до конца.
„Предстану пред богом, к нему воззову,
„С молитвой ему преклоняя главу,
„Чтоб он, на царя и на Сама воззрев,
100 „С их сердца смысл злобу, и горечь, и гнев.
„Услышит творец изреченное мной,
„Ты будешь пред миром моею женой“.
Ему Рудабэ отвечала: „И я
„Клянусь, и да слышит меня судия:
„Один назовется владетелем мне
„(Создатель вселенной свидетелем мне) —
„Лишь Заль золотой, мировой пехлеван,
„Венцом, и величьем, и славой венчан“.

Меж тем все сильнее любовь их росла,
110 Далек был рассудок, страсть близко была,
И так это было всю ночь до утра,
Пока барабан не забил у шатра.
Заль начал прощаться, готовится в путь;

Основа — он сам, а уток — ее грудь.
Ресницы у них отягчились водой,
Корят они солнце своею бедой:
„О светоч вселенной, хоть миг погоди,
„Так сразу над нами еще не всходи!“
Заль сбросил аркан, зацепив за зубец,
120 Прекрасной подруги покинул дворец.

Х. Поимка Рустемом Рахша

Предвиденное влюбленными возмущение родителей и царя Миночехра их поступком, действительно, чрезвычайно велико. Однако звездочетам, предсказывающим, что от этого брака родится витязь, не имеющий себе равного, и ловкой дипломатии Синдухт удается смягчить гнев Сама, а тот, в свою очередь, добивается прощения у царя. После пышных празднеств новобрачные отправляются в свои владения. Появление на свет Рустема сопровождается всяческими осложнениями. Не обходится без помощи Симурга и кесарева сечения под винным наркозом. Десять мамок

еле-еле в состоянии накормить новорожденного, еще в люльке проявляющего необычайные силу и способности. Будучи еще подростком, он убивает палицею взбесившегося белого слона. Важнее всякого оружия для настоящего рыцаря — ратный конь. Не легко такого найти для громадного роста и богатырского веса Рустема.

Пригнал табуны, что в Забуле держал,
А также из тех, что в Кабуле держал.
Пускали Рустему коня за конем,
Тавро называли какое на нем.
Которого в петлю Рустем ни возьмет,
Которому спину рукой ни нажмет,
Тот сразу от силы поникнет хребтом,
До самой земли припадет животом.
И так друг за дружкой каждый скакун.
10 И вот побежал разномастный табун,
А в нем кобылица, сера и резва;
Короткие ноги, и грудь, как у льва;

Два уха ее, что кинжалы, блестят;
Мохнатая грива и тонкий обхват.
За ней жеребенок, в один с нею рост,
Глаз черный, шерсть рыжая, рыжий и хвост;
Широк, как у матки, и перед и зад,
Агатные ядра, копыта — булат,
И весь он по шерсти узором убран,
20 Как будто бы розы легли на шафран.
Он за два фарсанга, в потемках спеша,
На черном сукне различит мураша;
Могучий, как слон, и большой, как верблюд,
Как лев бисутунский, отважен и лют.
Рустем, как увидел напротив себя
Кобылу и это ее жеребя,
Пошире загнул у аркана луку,
Хотел стригуна захватить на скаку.
Сказал ему старый пастух: „Нет, не тронь“;
30 „Не надо, о знатный, чужой этот конь“.
Спросил пехлеван: „Чей же он? Где тавро?“
„И то, и другое без метки бедро“.
Такой дал ответ: „Не в тавре тут заказ.
„Есть всякие толки об этом у нас.
„Зовется он Рахш, рыжий в яблоках конь;
„По блеску — вода, а по цвету — огонь.
„Не знаем, хозяин его где живет;
„Рустемовым Рахшем у нас он слывет.

„Три года уже, как под всадника гож,
40 „Излюблен давно перед взором вельмож.
„Но мать, чуть завидит аркан над собой
„Как яростный лев, выступает на бой.
„Не ведаем мы, о всесветный боец,
„Какая тут тайна и где ей конец;
„Но ты, рассудительный муж, берегись,
„Вкруг этого змея, смотри, не вертись.
„Кобыла такая, что драться резва:
„Рвет шкуру у барса и сердце у льва“.

Услышал Рустем то, что молвил старик,
50 И разум речей его тотчас постиг.
Закинул Рустем богатырский аркан,
Взял голову в петлю коню пехлеван.
Примчалась, как слон разъярившийся, мать,
Готовилась витязю череп сорвать.
Рустем зарычал, словно бешеный лев,
Притихла кобыла, от крика сробев.
Он смаху ее по загривку хватил,
Всем телом дрожащую в пыль покатыл.
Упала, вскочила и кинулась прочь,
60 Вослед табуну понеслась во всю мочь.
Уперся ногами Рустем-пехлеван,
Потуже стянул богатырский аркан,
И руку простер, и, что было в нем сил,

Могучую спину коню надавил;
Под тяжелой рукой не погнулась спина,
Ты скажешь: не чуяла даже она.
Он в сердце промолвил: „Хорош для седла.
„Теперь мне сподручнее делать дела“.
Как ветер летящий, вскочил на коня;
70 Взыграл розоцветный проворней огня.
Сказал пастуху он такие слова:
„Что, этому змею цена какова?“
Тот молвил: „Когда ты — Рустем, правь конем
„И выправь Иранскую землю на нем;
„Ему все уделы Ирана — цена,
„На нем будет миру управа дана“.
Кораллом Рустемов осклабился рот;
Так молвил: „Добро от Йездана идет“.
Покрыв розоцветного пышным седлом,
80 На месть и войну распалился челом.
Открыл ему рот, увидал, что бегуч,
Породист, отважен и силой могуч,
Снесет и шелом, и кольчугу, и меч,
Напор богатырского стана и плеч.
И так был заботливо пегий храним,
Что руту, ночь целую, жгли перед ним.
И справа, и слева он стал волшебством,
Бегущей газелью в строю боевом.

Рот мягкий, и пеной богат, и легок,
90 Умен, крутобедр, и размашистый скок.
Заль-Зерово сердце, подобно весне,
Цвело о Рустеме и дивном коне.
Он отпер сокрытому золоту дверь,
Не думал о том, что потом, что теперь;
Осыпал камнями спину слону
И кличем на версты наполнил страну.

ХІ. Борьба Рахша со львом

Вот выехал витязь полуденных стран,
Простился с отцом мировой пехлеван.
В день два перехода отмахивал прочь,
За день почитал непроглядную ночь.
Так Рахшовы поги топтали позем
И темною ночью, и солнечным днем.
Стал голоден витязь и телом устал;
К равнине, онаграми полной, пригнал.
Он двинул коленями, Рахша тесня;
Тяжелым стал гур перед бегом коня.

Аркан, ноги Рахша и всадник Рустем,—
Тут зверь никакой не спасется ничем.
Лев взял богатырский аркан и метнул,
Могучего гура петлей затянул.

Он высек огонь острожалой стрелой,
В нем вспыхнули хворост, дрова, сухостой.

Онагра, чуть он обессилел вконец,
На пламени жарком изжарил ловец.

Поел, да и кости откинул потом;

20 Служил ему гур и котлом, и столом.

Снял с Рахша узду бережливой рукой,

Увидел пастьбу, отпустил на покой.

Устроил постель в тростнике и прилег,

Дом страха почел за надежный чертог.

А в том тростнике было логово льва;

И слон в те места заглянул бы едва.

К концу первой стражи домой подоспев,

В тростник воротился воинственный лев,

И видит — лежит слопотелый и спит,

30 И видит, смутясь,— конь поодаль стоит.

„Сначала,— сказал,— растерзаю коня;

„Тогда и ездок не уйдет от меня“.

Он ринулся к месту, где высился конь;

Но Рахш светозарный взвился, как огонь,

Копытами льва по загривку хватил,

В хребет ему острые зубы вонзил

И на землю бросил, терзая его,
Беспомощным сделал врага своего.
Проснулся Рустем, увидал наяву,
40 Что тесен стал мир кровожадному льву.
Так молвил: „О Рахш, где твоя голова?
„Да кто же тебя посылал против льва?
„Ведь если бы лютый возмог над тобой,
„Как эту кольчугу и шлем боевой
„Один волочил бы я в Мазендеран,
„Тяжелую палицу, меч и колчан?
„Когда б я очнулся от сладкого сна,
„Твоя бы со львом прекратилась война“:
Сказал — и заснул, нетревожим никем,
50 Боец именитый, отважный Рустем.
Чуть солнце главу вознесло над холмом,
Восстал крепкотельный, разморенный сном,
Скреб тело коню, клал седло на чепрак,
Молился Йездану, даятелю благ.

ХII. Смерть Сухраба от руки Рустема

Бесчисленные ратные подвиги Рустема, как и подвиги Заля и других первоклассных героев в борьбе с людьми, зверями, дивами и разными чудовищами, обнимают все последующие мифические царствования, поскольку силы витязей не находят непосредственного применения в войне с Афрасьябом, царем „Турана и Китая“, то-есть кочующих на северо-востоке народов, вторгшимся в Иран и временно овладевшим значительной частью его территории. Помимо этого легитимные цари, особенно Кай Кубад, Кай

Каус и Кай Хосру, постоянно нуждаются в помощи Рустема. В один из его ратных отдыхов дочь царя Семенганского отдается ему и производит на свет Сухраба, трагически погибшего впоследствии от руки отца. Рустем в течение семи лет независимо правит всем государством Афрасьяба, однако потом война разгорается снова с колеблющимся успехом, пока не удастся поймать и убить защищающегося всеми средствами магии туранца.

В одной из многочисленных битв с Афрасьябом всеобщее внимание привлекает прекрасный юный рыцарь-туранец, ростом и осанкой похожий на Рустема. Он пытается разузнать имена главных героев-иранцев, ища среди них Рустема. Они встречаются на поле брани, молодой витязь спрашивает своего противника, не он ли Рустем, но тот считает целесообразным сохранить инкогнито. Дело доходит до поединка. В первой схватке Рустем, брошенный на землю, только при помощи неблагоприятной военной хитрости избегает смертельного удара. Следующая схватка приносит с собой роковую развязку.

Коней привязали для новой борьбы.
Настало свершение враждебной судьбы.
Где злобной судьбы надвигается тень,
Становится воску подобен кремень.
И вот в поединке схватились они,
Руками впились в поясные ремни.
Всю мощь,— ты сказал бы,— Сухрабовых рук
Высокое небо опутало вдруг.
Рустем распалился, ремень отпустил,
10 За шею и голову барса схватил,
Согнул молодого бойца поперек,
И рок совершился, и он изнемог.

Рустем его на землю бросил, как лев.
Он знал, что он вскочит опять, осмелев.
Он выхватил острый булат из ножен,
И в грудь смелосердый Сухраб поражен.
Как только ты чьей-либо крови взалкал,
Как только запятнан твой светлый кинжал,
Ты алчной судьбе свою кровь предаешь,
20 На теле твоём каждый волос, как нож.

Извился Сухраб и вздохнул тяжело,
Оставил мечты про добро и про зло.
Сказал: „Это мне за мои же дела.
„Судьба в твои руки мой ключ отдала.
„Согбенной спины, не твоя здесь вина;
„Меня вознесла и убила она.
„Теперь о моих посмеются летах,
„Как сила моя опрокинута в прах.
„Мне мать дала знак, чтоб открыться отцу;
30 „Любовь привела мои годы к концу.
„Я всюду искал дорогие черты,
„Я душу сгубил ради этой мечты.
„Увы, я мой труд не довел до конца,
„Я отчего так и не видел лица.
„Хотя б ты, как рыба, укрылся в водах,
„Хотя б ты, как ночь, притаился впотьмах,
„Хотя б ты на небо вознесся звездой,

„Похитил у мира лик солнца святой,
„Отец тебя мщеньем сумеет настичь,
40 „Узнав, что постель его сына — кирпич.
„Из витязей, гордо поднявших главу,
„Иной донесет до Рустема молву:
„Сухраб ниспровергнут в смертельной борьбе;
„Он сердцем все время стремился к тебе“.

Рустем как услышал такие слова,
Померкло в глазах, поплыла голова,
И силу, и мощь потерял пехлеван,
И с ног повалился, и пал бездыхан.
Потом в разумынье пришел и спросил,
50 Рыдая и горько стенья, возгласил:
„Где знак у тебя от отца твоего?
„Да сгинет меж витязей имя его!
„Рустем, это — я. Пусть умру безымян,
„Пусть сядет оплакивать сына Дестан!“
Он громко рыдал, и кипела в нем кровь,
То волосы рвал, то рыдал вновь и вновь.
Рустема таким как увидел Сухраб,
Откинулся навзничь, рассудком ослаб.
Так молвил: „Когда ты и вправду Рустем,
60 „По злобе твоей я убит низачем.
„Тебе, как умел, я указывал путь,
„Ко мне ты любви не подвигнул ничуть.

„Теперь ты кольчугу мою развяжи
„И светлое тело мое обнажи.
„Когда загремел барабан у дверей,
„Мать, щеки в крови, прибежала скорей,
„Прощаясь со мной, горевала в тоске,
„И мне самоцвет привязала к руке,
„И молвила мне: Это память отца.
70 „Смотри, береги и храни до конца.
„И вот я сберег, и свершился мой рок,
„И сын на глазах у отца изнемог“.
Рустем распахнул, увидел самоцвет,
Порвал на себе все, во что был одет.
Твердил: „О убитый моею рукой,
„Отважный, прославленный молвю людской!“
Терзал себя до крови, рвал волоса,
На темени прах, на ланитах роса.
Промолвил Сухраб: „Так всего тяжелей.
80 „Напрасные слезы очами не лей.
„Себя убивать ни к чему, все равно:
„Что случилось, то случилось, и так суждено“.

XIII. Сказ о Бахраме и девушке- гуслирке на охоте

Бахрам V (420—438), четырнадцатый царь династии Сасанидов, сын Йездегерда-Злодея, воспитывается при дворе Номана, арабского князя Хиры, вассала царя царей. Номан и его сын Мунзир не только учат его всем рыцарским доблестям, но привлекают также мудрейших из мудрецов, чтобы они передали ему свою премудрость. Беспечно и привольно живет царевичу в Хире. Игра в поло, охота на газелей и онагров — любимая добыча, по которой его и прозвали Гур (онагр), — любовь, вот его главные за-

пятия. Но захотелось повидать и отца и родные места, и, сопровождаемый свитой из арабов-кошьяеносцев, царевич с богатыми подарками отправляется в Ктесифон. Радость свидания с отцом, показ своих доблестей, одобрительное отношение знати к наследнику заставляют его забыть о Хире и Мунзире. Однако вскоре подозрительный и злой Йездегерд, заподозрев сына в политических кознях, удаляет его от двора в один из дворцов, где он проводит свои дни в более или менее почетном заточении. При помощи Мунзира ему удается бежать, и вот он снова в Хире. Узнав о неожиданной смерти своего отца и о провозглашении царем царей одного из родичей Йездегерда, он, не долго думая, отправляется в столицу, с тем чтобы отстаивать свои права легитимного наследника. Воцарившись, Бахрам справедливостью и доблестями скоро снискивает себе всеобщую покорность и любовь, которыми пользуется до конца жизни. На подобие Рустема он очищает мир от зловредных чудищ: драконов, львов, волков и т. д., на подобие Александра отправляется в качестве своего же посланника в опасную дипломатическую миссию в Индию. Отрывки XVI, XVII, XVIII рисуют Бахрама в его частной жизни. Следует отметить, что анекдот про юного сапожника — единственный пассаж, в громадном произведении Фирдауси, если не считать покрытия Рахшем в одну ночь сорока кобы-

лиц, где соблюдаемое поэтом строгое целомудрие уступает место излюбленной народом игривости. На старости лет Бахрама занимают преимущественно социальные реформы (отрывки XIX и XX). Изложение их заключает в себе и их критику.

Он только и ведал, что мяч да мейдан;
Иной раз охота, иной раз чоган.
Однажды вдвоем, без окольных бойцов,
С гусяркой-румийкой он ехал на лов.
Ее Азадэ он по имени звал;
Был цвет ее щек, словно червчатый лал.
Единой с ним воли и сердцу мила,
Всегда на устах у Бахрама жила.
В тот день он верблюда велел оседлать,
10 Парчевый чепрак ему на спину дать;
И стремени было четыре на нем,
И в гору и под гору шел он бегом;

Два стремени — золото, два — серебро,
Жемчужным узором обвиты хитро.
Бахрам под колчан нацепил самострел,
Во всяких искусствах он долей владел.

Мелькнули газели, чета за четой;
Со смехом промолвил смельчак молодой:
„О месяц, когда я мой лук снаряжу
20 „И этим вот перстнем стрелу наложу,
„Которой ты хочешь назначить конец?
„Вот юная самка и старый самец“.
Ему Азадэ отвечала: „О лев,
„Никто не гордится, газель одолев.
„Ты самку стрелою в самца оберни,
„Чтоб статью своей поменялись они.
„А после верблюда вдогонку пусти,
„Как только газель устремится уйти;
30 „Стрельни самострелом, да так, чтоб, скача,
„Газель своим ухом коснулась плеча;
„От пули зачесется ухо, и вот
„Она свою ногу к плечу задерет;
„А ты ногу с ухом к плечу приколи;
„Тогда назову тебя светом земли“.

Как только услышал слова эти царь,
Пришло ему в память, что сказано встарь;

Потом тетиву натянул он на лук,
И тихая степь огласилась вокруг.
Двужалая в царском колчане стрела
40 Для зверя степного хранима была.
Как только газели ускорили бег,
Двужалой стрелой полководец подсек
Близ самого корня рога у самца;
Дивилась румийка ему без конца.
От самки самца распознаешь едва:
Осталась без черных рогов голова.
А также и самке на место рогов
Всадил две стрелы удалец-зверолов.
Где должен быть рог, там стрела у нее.
50 Грудь кровью текущей ала у нее.

За новой четой он пустился в поскок,
И пулю меж тем положил в желобок;
Нацелился в ухо газели, и сам
Свой выстрел удачный одобрил Бахрам.
Газель подарапала ухо ногой;
Царь вынул стрелу, лук напружил тугой
И ухо, и ногу ей сшил, и плечо.
У девушки сердце зажглось горячо.
Он молвил: „Что скажешь, о светоч почей?“
60 Из глаз у румийки струился ручей.

Сказала: „Людского здесь нет ничего.
„Не мужа, а беса твое естество“.

Ударил Бахрам, и, качнувшись в седле,
Румийка стремглав полетела к земле.
Верблюдом Бахрам луноликую смял,
И руки, и гусли, и грудь искромсал.
Так молвил: „Гуслярка безумная ты!
„Зачем было слушаться хитрой мечты?
„Ведь если б моя не попала стрела,
70 „То нашему роду была бы хула“.
Когда ее насмерть верблюд затоптал,
Он девушек брать на охоту не стал.

XIV. Речь Бахрама к иранцам о своей пригодности к царству

Так молвил Бахрам: „О вельможи, о вы,
„Видавшие дело мирское главы,
„Вы верно сказали, скажу до конца:
„Я сам, больше всех, порицаю отца.
„Я горечь доныне на сердце таю,
„Он легкую мысль отуманил мою.
„Темницею мне был отцовский дворец,
„Когда милосердье явил мне творец.
„Тинуш меня спас из темницы его,
10 „Больным стал мой дух от десницы его.

„В пустыне Мунзира я жил, как беглец,
„Затем что неласков ко мне был отец.
„Таков да не будет душой человек,
„Не то человечность исчезнет навек.
„Я взыскал Йезданом: он разум мне дал
„И разумом душу мою напичкал.
„Йездана молю, да подаст мне итти
„Отныне к добру по прямому пути,
„Чтоб душу и сердце очистить от зла,
20 „Которым держава отцова была.
„Я к миру и правде направил мой дух;
„Вы будете стадо, я буду пастух.
„Чтоб тешить людские сердца, буду жить,
„Как должен поклонник творца, буду жить.
„Я смел, прозорлив, даровит и учен;
„Неправедный царь дарований лишен;
„В ком кривда и злоба, тот скуден умом,
„И мудрому надобно плакать о нем.
„Во мне есть величье и царственный ум,
30 „И много высоких и благостных дум.
„Шапур, сын Бахрама, и царь Ардешир,
„И все, чьей державе покорствовал мир,
„От сына к отцу прародители мне,
„И в вере, и в мыслях водители мне.
„По матери бабка моя Шамиран,
„И разум царицыш мне в спутники дан.

„Мой разум, и сан, и дары высоки,
„Есть доблесть, и храбрость, и сила рук.
„Я мужа за мужа не счел бы нигде,
40 „В бою, на пиру и во всяком труде.
„Богатая мною зарыта казна,
„И служба друзей именитых верна.
„Я правдой цветущим весь мир сотворю
„И радостью правды людей подарю.

„Да будет меж нас договор заключен,
„Язык мой Йездану залогом вручен.
„Мы царский поставим престол костяной,
„Мы сверху положим венец золотой;
„Из темного леса двух львов приведем,
50 „Державный венец между них пронесем;
„И справа, и слева привяжем по льву;
„И тот, кто на царство подьмет главу,
„К престолу царей подойдет, как боец,
„И в руки возьмет, и наденет венец.
„Воссесть между львами, как царь, он пришел,
„Венец над челом, под стопами престол.
„Другого в цари не хотим никого,
„Хоть чисто и праведно сердце его.
„Но если, глаза от меня отведя,
60 „Не равного мне пзберете вождя,
„То копьями всадников ващи поля,

„Как терном колючим, покроеет земля;
„И я, и Мунзир обладаем мечом,
„Арабским наездникам бой нипочем.
„Ваш царь истребитя, как прах на огне,
„Мы головы ваши закинем к луне.
„Я кончил и слова ответного жду.
„С правдивой душой приступите к суду“.

Так молвил, и встал, и ушел под шатер.
70 Стоял в изумленьи внимавший собор.
И знать, и мобады, и все, кто, дивясь,
Слышал, как разумный витийствует князь,
Сказали: „То богом ниспосланный свет;
„Ни кривды, ни слова немудрого нет.
„Он правду во всем говорит до конца,
„И правдой должны веселиться сердца.
„А то, что про львов говорил он лесных,
„Про царский престол и венец между них,
„Так если его разорвут эти львы,
80 „Изд с нас не спросит его головы,
„Он замысел сам излагает такой,
„И если погибнет, нам будет покой.
„Но если венец он добудет живым,
„Славней Феридуна он блеском своим,
„Ему подобает державный венец.
„Да будет по слову его, и конец“.

XV. Бахрам Гур берет венец посреди львов

Минула та ночь, и на утро, с зарей,
Воссел на престоле Бахрам молодой.
Иранских мужей он созвал на собор,
О днях миновавших повел разговор.
И в голос сказали мобады ему:
„О царь, о мудрейший из всех по уму!
„Какую себе облюбуеть ты часть,
„Когда возымеешь величье и власть?”

„И как ты по правде себя поведешь,
10 „Чтоб в мире убавились кривда и ложь?“
Таковыми словами ответил Бахрам
Достойным, и мудрым, и славным мужам:
„Я больше вам дам, чем пустые слова.
„Неправде и злу не вручу торжества.
„Я тем, кто достоин быть в помощь царю,
„Поистине землю свою подарю.
„В мир разум и правда вернутся при мне;
„Я, мир замирив, буду рад тишине.
„Мы людям, которые нынче бедны,
20 „Подарим кой-что из зарытой казны.
„Свершившего злое — поучим уму,
„Свершившего дважды — посадим в тюрьму.
„Воителям в срок награждение дадим,
„Разумным мужам наслаждение дадим.
„В ладу будет сердце у нас с языком,
„Мы душу от кривды и тьмы отвернем.
„Когда кто умрет, не оставив родни,
„Как много бы он ни скопил в свои дни,
„Я бедным раздам, не в казну положу,
30 „С пристанищем бrenным души не свяжу.
„Держать с умудренными буду совет
„И алчной корысти сломаю хребет.
„Дастурова слова спрошу всякий раз,
„Как новому делу начаться у нас,

„Когда к моему кто прибегнет суду,
„Не вышлю народа и сам не уйду;
„Воздам правосудье просящим о нем,
„Всегда лишь по правде судя обо всем.
„Злонравным возмездье за зло сотворю,
40 „Как то искони подобает царю.
„Пречистый Йездан мне свидетелем в том,
„И разум владеет моим языком“.

Великий мобад, и вельможный совет,
И мудрые мужи, познавшие свет,
Воскликнули в голос: „О царь, мы рабы,
„Склоняя главу, от тебя ждем судьбы!“
На это в ответ им промолвил Бахрам:
„О вы, наставители верным путям!
„Когда над содеянным минется год
50 „И дух мой от слов моих прочь отойдет,
„Отвергну наследство, венец и престол
„И сяду меж теми, чей жребий тяжел!“
Когда услышали ту речь мудрецы,
Вельможи и бдящие сердцем жрецы,
Раскаялись в том, что сказали сперва,
И стали гадать, как вернуть те слова,
Друг к другу взывая и так говоря:
„Достойней нигде мы не сыщем царя.

„По мужеству, роду, витийству, уму,
60 „Нет в мире родившихся, равных ему.
„Из правды, творя, его создал Изед.
„Да будет он в жизни избавлен от бед!
„Мы снова получим все доброе в нем,
„Мы к вере и правде лицо повернем.
„И если мы в речи внесем кривизну,
„Мы голову разума склоним ко сну.
„Такая осанка, и шея, и стан
„Невиданы в мире среди ведомых стран.
„Арабская рать у Бахрама в тылу,
70 „Мунзир ему друг по добру и по злу.
„И раз он венца домогается сам,
„Кто будет на свете сильнее, чем Бахрам?
„И то: от Иранцев какой ему страх,
„Когда перед ним мы не боле, чем прах?“

Сказали Бахраму: „О царственный муж,
„Для всех без изъятья угоден ты душ.
„Не ведал никто дарований твоих,
„Ума, велеречья и знаний твоих.
„И мы порешили, что мы изберем
80 „Хосру из Пешинова рода царем.
„Мы клятвой пришли к послушанью его,
„По клятве своей мы под дланью его.
„И если на нем будет царский венец,

„Раздоры все царство разрушат вконец.
„Одни к твоему соберутся шатру,
„Другие почтут властелином Хосру.
„По правде, твой замысел лучше всего;
„Все люди признают твое торжество.
„Сомненья о праве решит львиный бой.
90 „Никто не дерзнет состязаться с тобой“.
С решением их согласился Бахрам,
Затем что задумал борьбу эту сам.

Таков был обычай, уставленный встарь,
Что, ежели новый наследовал царь,
К нему приступал высочайший мобад
И с ним трое мудрых, чьи души не спят;
На царский престол возводил он царя,
Престолу тому славословье творя;
Царю он венец подносил золотой,
100 Дарящий величием и красотой;
Потом, властелина венчав своего,
Касался ланитами персей его.
А царь из ему поднесенных даров
Одаривал всех, кто просить был готов.

Вручили мобаду венец и престол.
Из города в степь бодросчастный пошел.
Два льва у Густахма кормились в степи.

Тех львов он мобаду вручил на цепи.
И люди, которые львов волокли,
110 Едва от испуга с ума не сошли.
Привязаны звери подножье блюсти.
Положен венец на слоновой кости.
Дивился народ на престол и венец:
Как справится с делом могучий храбрец?

Отправились в степь и Хосру, и Бахрам.
В груди у них кровь прилиwała к сердцам.
Хосру как увидел тех лютых зверей,
Меж ними венец на престоле царей,
Он молвил мобадам: „Венец для того,
120 „Кто собственной волею ищет его.
„Притом же он молод, я древен и хил,
„Для львиных когтей не нашел бы я сил.
„Пускай в этом деле ему и рука,
„Раз молоды годы и сила крепка“.
Бахрам отвечал: „Хорошо, я готов.
„Не нам отрекаться от сказанных слов“.
Он палицу с бычьей схватил головой.
Народ, изумляясь, стоял сам не свой.

Так молвил великий мобад: „Государь,
130 „Разумный, пречистый, всеведущий царь!
„Кто в бой против львов посылает тебя?

„И что, кроме царства, прельщает тебя?
„Отдашь ли за царство ты душу свою?
„Погубишь ли тело в напрасном бою?
„Мы здесь неповинны: ты хочешь один;
„И так тебя славят весь мир, господин“.
Бахрам отвечал: „Ты, чья вера живет!
„Ни ты неповинен ни в чем, ни народ.
„Я вызвался вольно в соперники львам,
140 „И с лютыми в битву я выступлю сам“.
Мобад отвечал: „Бог защита и кров.
„Очисти же сердце свое от грехов“.
И сделал Бахрам, как мобад говорил:
В грехах повинился и сердце омыл.
И поднял он палицу с мордой быка.
Как львы увидали, что схватка близка,
Один разорвал и оковы, и цепь,
Навстречу властителю двинулся в степь.
Царь палицей в темя хватил его раз,
150 Отшиб у свирепого блеск его глаз.
К другому пошел — и хватил его вновь,
На грудь из очей его хлынула кровь.

Воссел властелин на престоле отца,
Венчался венцом, пламенящим сердца.
Хосру подошел и, склонясь пред царем,
Так молвил: „О царь с горделивым челом!

„Да будешь ты счастлив в державной судьбе,
„Все витязи мира да служат тебе.
„Над нами ты царь, мы рабы у тебя,
160 „И будешь ты мощен, рабов возлюбя.
„Йездан нам позволил обитель найти,
„На путь указуя сошедшим с пути“.
Каменьями звать осыпала царя,
Престолу его славословье творя,
И мир дружным гулом наполнился сплошь.
Тот праздник был в месяц Азер, в день Серош.

Надвинулась туча, померкла луна,
И снег начал падать, и туча черна.
Ни гор не видать, ни реки, всюду мгла,
170 Впотьмах не увидишь воронья крыла.
Ни дров, ни соленого, ни ячменя;
До жатвы ни зернышка нет у меня.
Потемки, поборы, крутая пора;
От снега земля — костяная гора.

Вверх дном все дела опрокинулись вдруг.
Когда бы хоть чем-нибудь выручил друг!
Теперь я чудесную повесть начну,
Неслыханней всех, что плелась в старину.

XVI. Сказ о Бахрам Гуре и Кебруе и запрещение вина

На утро, воссев, пожелал он вина.
Смеясь, войсковая сошла старшина.
И староста некий ему в этот час
Привез кой-какой из деревни запас:
Айвы и гранатов верблюжьи вьюки,
Цветов, перевитых по-царски, пуки.
Царь встретил и принял его по добру,
Отвел ему место на царском пиру.
Привезший цветы, слаще мускусных струй,

10 Носил пехлевийское имя Кебруй,
И он взвеселился душою, смотря
На пирный чертог, на вельмож, на царя.
Стояла хрустальная чаша с вином,
И сердце от чаши встревожилось в нем.
И вот простирает он руку вперед,
К вину простирает, и с места встает,
И так говорит, чашу в руки беря:
„Я, дескать, Кебруй; пью за здоровье царя“.
Пред царским лицом эту чашу вина
20 Он духом одним осушает до дна.
А в чаше пять ман умещалось как раз.
„Я семь, мол, таких выпью тут же у вас
„И тотчас же трезвым поеду назад,
„Не крикну ни разу, как спьяну кричат“.
И выпил семь чаш он у всех на глазах
И всех винопийц осрамил в пух и прах.

С согласия царя он собрался в поход,
Узнать, как вино в его теле пройдет.
Как только он за город выехал, в нем
30 Нутро закипело горячим вином.
Погнал он коня из толпы на простор
И мчал по степи до подножия гор.
Он слез, и пустынный нашел уголок,
И в месте тепистом на землю прилег.

Слетел черный ворон с горы в вышине
И вырвал ему оба глаза во сне.
Вослед ему люди пришли той порой,
Увидели — мертвый лежит под горой;
Глаза черный ворон склевал в голове;
40 Над ним его лошадь стоит на траве.
И начали сетовать слуги о нем,
И пир проклинали, и чашу с вином.

Когда поутру царь Бахрам встал с одра,
Явился к нему пожелатель добра:
Кебруй под горой, мол, устроил привал,
А ворон у пьяного очи склевал.
Тогда миродержец в лице пожелтел,
Проник его болью Кебруев удел.
И тотчас воскликнул с чертога бирюч:
50 „О вы, кто рассудком и славой могуч!
„Для всех во всем мире запретно вино,
„Будь он пехлеван иль батрак, все равно“.

XVII. Сказ о мальчике-сапожнике и льве и разрешение Бахрам Гуром вина

Такими судьбами прошел целый год.
Запретным вино почитал весь народ.
И царь, коль беседу устраивал он
И повести слушал мнувших времен,
Вина не пивал, соблюдал свой запрет;
Забылся в народе и запах, и цвет.
В ту пору жил мальчик-сапожник и в дом

Жену себе взял, и с казной, и с умом.
Да справиться с делом мудреным не мог.
10 Стал болезен матушке бедный сынок.
Была у ней спрятана малость вина.
Вот сына в кладовку приводит она
И так говорит ему: „Выпей семь чаш,
„И бодрость, и мужество сердцу придашь.
„Авось нынче ночью сломаешь печать.
„Что пользы-то войлоком в камень стучать?“
Хватил тот сапожник семь-восемь зараз,
И кожа, и ноги окрепли тотчас.
И стал молодцом этот мальчик теперь,
20 Пошел к двери дома и высадил дверь.
И к матушке снова пришел, разудал,
Довольный душой, что дорогу сыскал.

В ту пору в зверинце, где львиный затвор,
Лев с цепи сорвался и вышел на двор.
Был юноша тот от вина еще пьян,
Спьяна у него пятерня, что капкан.
Вскочил, изловчился с рыкающим львом:
Держа его за уши, едет верхом.
А лев убежавший в то время был сыт;
30 Шагает под мальцем, и малец сидит.
Хранитель зверей прибежал впопыхах,
С арканом и цепью железной в руках.

И видит — на льве, приручив, как осла,
Какой-то сапожник сидит без седла.
Он тотчас бегом добежал до дворца,
Вошел, не смущаясь царева лица.
Поведал про чудо, что видел он сам,
Неслыханный случай, представший глазам.
Властителю мира был дивен рассказ;
40 Мобадов и знатных созвал он тотчас
И молвил мобаду: „Откуда свой род,
„Узнайте мне, этот сапожник ведет?
„Наверное, он пехлеван по отцу;
„Отвага души пехлеванам к лицу“.
К старухе посольство с вопросом пришло:
Не выше ли род, чем его ремесло?
Немало им мать напела, говоря;
Потом побежала пред очи царя.
Сначала владыке хвалу воздала:
50 „Живи, мол, век вечный, не ведая зла.
„Мой малец, недошлый еще по всему,
„Жену подобрал, стал хозяин в дому.
„На деле-то вышло, что слаб тростничок.
„Жена говорит: оттого что дичок.
„Дала я мальчишке три чашки вина,
„Тайком, и про это я знаю одна.
„Вмиг щеки зарделись, что яхонт живой,
„Стал войлок, что кость, вверх мотнул головой.

„Отец был сапожник, сапожник был дед;
60 „В роду никого сановитее нет.
„Вся знатность его — от трех чашек вина.
„А я-то с докладом к царю позвана!“

Царя посмешила старухина речь.
Сказал: „Этой былью нельзя пренебречь“.
И молвил мобаду: „Отныне вино
„Дозволено всем, кому любо оно.
„Кто выпьет настолько, что сядет на льва,
„Здрав будет, раз сила его такова.
„Но только, чтоб, если он пьян наповал,
70 „Ему черный ворон глаза не склевал“.
И тотчас клич громкий с дворца раздался:
„Эй вы, удалцы, золоты пояса!
„Все пейте вино, сколько в силу кому;
„За следствием должно следить самому.
„И если случится в веселье прийти,
„Ложитесь, чтоб тело свое соблюсти“.

XVIII. Сказ о Бахрам Гуре и четырёх сестрах

Неделю спустя ехал царь полевать,
С властителем мира мобады и знать.
Бывало, весь месяц охота идет,
Охотится царь и с окольными пьет.
И горных, и польных зверей в эти дни
Несметную тьму натравили они.
Назад повернули, сердца веселя.
Надвинулась ночь, стала черной земля.

- Окольная знать погоняла коней,
19 Стихи распевала про старых царей.
Огонь в отдалении завидел Бахрам,
Как в праздник Бахман зажигает он сам.
Взглянул миродержец туда, где светло;
Веселое рядом приметил село;
И мельница возле деревни видна;
Собралась в кружок и сидит старшина.
А с краю от пламени — девичий сход,
И праздник у них свой особый идет.
На всех из цветов понадеты венцы;
20 Рассажены в разных местах игрецы.
И каждая в свой запеваёт черед,
Про царские подвиги песню поет.
Их кудри волнисты, и лунен их лик,
Их плечи душисты, и нежен язык.
У мельничной двери собравшись на луг,
Оне хороводный устроили круг.
У каждой в ладони цветы, и она
Вином и веселием полупьяна.
Какая-то девушка, чашу беря,
30 Вскричала: „За здравье Бахрама-царя!
„Он строен и статен, гроза и краса,
„Вращаясь, покорны ему небеса.
„С лица его словно стекает вино,
„И волосы мускусом дышат хмельно.

„Охота его — только лев или гур,
„Поэтому имя ему Бахрам Гур“.

Услышал Бахрам, натянул повода,
И тотчас коня повернул он туда.
Приблизился к девушкам, глянул вокруг,
40 До края глазами окинул весь луг.
Увидел: сплошь лунами поле полно,
И в город дорогу найти мудрено.
Он кравчим велел из дорожных व्यюков
Достать бурдюки и созвать питухов.
Принес виночерпий и подал ему
Хрустальную чашу, чтоб пить самому.
Из девушек четверо вышли вперед,
Также, кому наибольший почет.
Одна — Мушкеназ, и одна Мушкенец.
50 Одна — Назиаб, и одна Сусенец.
К дарю подошли хороводом оне,
Высокие ростом, подобны весне,
И спели былинку во славу царя,
Про силу и мудрость его говоря.
Бахрам молвил слово ко всем четверем,
Затем что смутился он в сердце своем:
„О нежные розы! Чья кто из вас дочь?
„Зачем это пламя горит у вас в ночь?“

Сказала одна: „Кипарисовый стан,
60 „Похожий во всем на царя пехлеван!
„Наш батюшка — мельник-старик, и сейчас
„Он в этих горах на охоте как раз.
„Он скоро вернется, ночь стала темна,
„Во тьме ему плохо дорога видна“.

В то самое время с охоты своей
Вернулся и мельник с ватагой друзей.
Увидел Бахрама, пал в прах перед ним,
Объял его трепет и страх перед ним.
Царь чашу золотую велел поднести,
70 Тому старику подкрепиться с пути,
И молвил: „Зачем солнцеликих своих
„Ты дома хранишь и не сватаешь их?“
Ответил старик, прославляя его:
„Моим дочерям не найти никого.
„Невесты оне, и девицы оне,
„И в этом девичестве чисты вполне.
„Но нет у них золота, нет серебра,
„И нет никакого иного добра“.
Бахрам ему молвил: „Ты всех четверых
80 „Отдай за меня, оставайся без них“.
Сказал старый муж, отвечая ему:
„О витязь, такие слова ни к чему.

„Нет платья у нас, и земли ни клока,
„Ни дома, ни стада, ни осла, ни быка“.
Так молвил Бахрам: „Это мне по душе.
„Ведь я не шшу быть от них в барыше“.
Тот молвил: „Все жепы тебе вчетвером,
„Служанки при прахе сокрытом твоём.
„В плохом и хорошем их видел твой глаз,
90 „И он их одобрил, как видел сейчас“.
Бахрам отвечал: „Этих всех четверых
„Я взял от отца, воспитавшего их“.

Сказал миродержец; и, на ноги встав
И конское ржанье в степи услышав,
Велед, чтобы слуги к нему подошли
„И этих кумиров в гарем отнесли.
Охотничьим поездом двинулись прочь,
И войско тянулось той степью всю ночь.
Встревожили мельника эти дела,
100 В ночь темную на душу смута нашла.
Так молвил жене: „Этот, сходный с луной,
„Вельможный, и рослый, и статный такой,
„Как темною ночью сюда он попал?“
Жена отвечала: „Огонь увидал,
„Услышал, как девушки песни поют,
„И шумные звуки, и гусельный гуд“.
И так еще мельник промолвил жене:

„Послушай, жена, Расскажи-ка ты мне,
„Хорошего ждаты ли нам, ждаты ли нам бед?“
110 Жена отвечала: „То сделал Изед.
„О роде и племени муж не спросил,
„Корыстной заботы в душе не носил.
„По лону земному луну он искал,
„Не царскую дочь, не казну он искал.
„В Китае шаману бы встретить таких,—
„Забыли бы службу кумирам у них“.

Пока из-за враньей спины не взошло
Высокое солнце, сияя светло,
Беседа на мельнице всякая шла,
120 Про добрых людей и про злые дела.
Пришел утром староста, первый из всех:
Так мельнику молвил: „О славный Рузбех!
„К подушке твоей ночью счастье пришло,
„Зеленое дерево плод попесло.
„Вчера, ночью темной, державный Бахрам
„Проездом с охоты пожаловал к нам.
„Увидел веселье и пир при огне
„И тотчас сюда прискакал на коне.
„Теперь твои дочери — жены его,
130 „Хранит их чертог береженный его.
„На лица, и кудри, и рост их смотря,
„Ты словно и впрямь их берег для царя.

„Бахрам, царь царей, стал отныне твой зять;

„Начнут во всем мире тебя величать.

„Тебе эту область и край он дает;

„Теперь не горюй и не ведай забот.

„Теперь пред тобою все младшие мы;

„Да что там: к ногам твоим падшие мы.

„Отныне начальствовать доля твоя.

140 „Мы все в подчиненьи, и воля твоя“.

Старик и жена, еле в чувство придя,

Стояли, Йезданово имя твердя.

Гость молвил: „Для лиц и кудрей, как у них,

„С четвертого неба спустился жених“.

XIX. Бахрам Гур слагает подати с дикханов

Когда царь Бахрам воротился домой,
Он с миром воссел на престол костяной,
Помыслил про смерть, про злосчастный удел,
Стал горестен сердцем, в лице пожелтел.
И он приказал, чтоб явился писец,
Бахрамов везир, благомысленный жрец;
Велел, чтоб подсчитаны были снода
Каменья, парча, золотая казна.

Царю звездочеты гадали давно,
10 И было в нем сердце теперь смущено:
„Ты будешь, мол, жить трижды двадесять лет,
„Потом опечалишь кончиною свет“.
Он молвил тогда: „Двадцать лет покучу,
„Побеги веселия в сердце вращу.
„Вторые же двадцать — везде и во всем
„Творить буду правду добром и судом.
„Не будет пустым ни один уголок,
„Для каждого сыщется хлеба кусок.
„Последние двадцать — молясь простою,
20 „Да явит Изед мне дорогу мою“.
Три года еще называл звездочет,
Но трех этих лет был таинственным счет.
И стало в душе его много тоски,
Хоть кладов скопил он верблюжьих тюки.
Блажен беспечальный, воздержный мудрец,
А тот особенно, кто носит венец!

Дастур отрядил казначея, и тот
Отправился в скарбницу, начал подсчет.
Он нес эту службу с усиленным трудом,
30 Спешил отчитаться дастуру во всем.
Бахрамов дастур, получив этот счет,
Явился к царю, преисполнен забот.

Сказал ему: „Двадцать три года сполна

„Все нужды твои обеспечит казна.

„Кормам и окладам составил я счет,

„На славное войско исчислил расход,

„Подарки послам от соседних царей,

„От мощных и славных твоих областей;

„На все эти годы нам хватит добра,

40 „Сокровищ, и золота, и серебра“.

Услышал Бахрам, и задумался он;

Грядущим не мучится, кто умудрен.

Сказал: „Коротается власть для меня.

„Ведь жизнь, как посмотришь, проходит в три
дня.

„Вчера — отошло, завтра — только идет.

„Сегодня не буду согбен от забот.

„Раз можно быть щедрым, раз миру я царь,

„Я братъ не желаю налогов, как встарь“.

Затем повелел не взимать податей

50 Ни с самых великих, ни с малых людей.

Для каждого города был старшина

Поставлен уснувших будить ото сна,

Затем чтобы ссора дурная не шла;

От ссоры одни лишь дурные дела.

Он этим мобадам из царской сумы

Назначил одежду, ковры и кормы,

Какие потребно, и дал им наказ:
„Ни зла, ни добра не скрывают от нас.
„Посредствуйте всюду, где встретите спор,
60 „Не требуйте зря и чините дозор.
„Меня извещайте о добром и злом,
„Чтоб впредь я не ведал сомненья ни в чем“.

Расселись мобады по всем городам.
От них не укрылись ни доблесть, ни срам.
Едва эти мудрые в дело вошли,
Посыпались письма из каждой земли:
„Безделье, мол, равенство, сытый удел
„Причиной, что разум в мозгах оскудел.
„Везде кроволитие, множество драк,
70 „И младшие старших не ценят никак.
„Готовы, сердца суетой засоря,
„Забывать и мобадов, и даже царя“.
Бахрам прочитал, что писали они;
Душа заболела от этой резни.
Вот в каждую область назначен везир,
В делах справедливый и знающий мир.
Одежда и харч им пошли из казны,
На кров, на щедроты оклады даны,
Затем чтоб полгода диван содержать,
80 С подвластных людей серебро собирать.

И то серебро нарекалось „налог“;
Был сборщик увенчан, и пышен, и строг.
Полгода он брал и полгода давал
Тому, кто убог, благороден и мал,
Заботясь о том, чтобы кровь не текла
И лодырь не шел на худые дела.

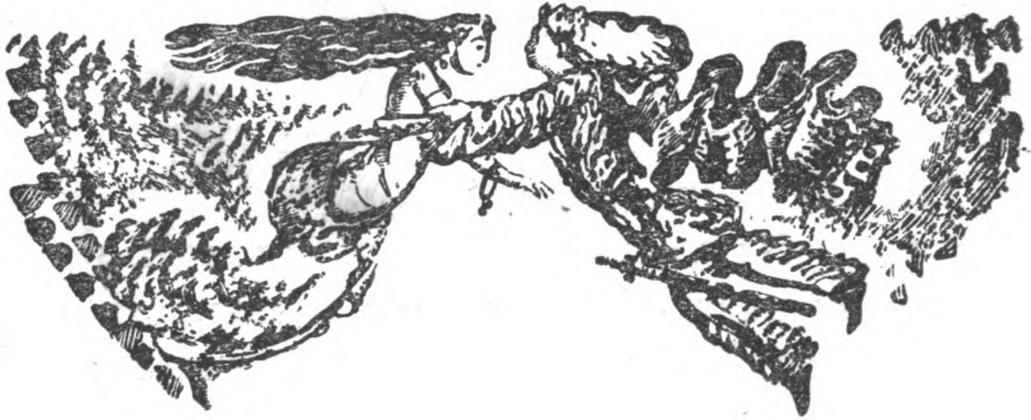
А после везиры царю донесли:

„От щедрости правда исчезла с земли.
„Кто денег скопил, тот забыл про налог,
90 „Полна голова его всяческих склок,
„Ирельщается кривдою сердце его;
„Повсюду сварливость, корысть, озорство“.
Когда эти письма Бахрам прочитал,
Он в сердце своем беспокоиться стал.
По всем областям посадил воевод,
В чьем сердце, как должно, правдивость живет.
Велел: „Если кровь проливает злодей
„И правду порочит неправдой своей,
„К нему прилагайте Изедов завет,
100 „От этого зла да избавится свет“.

Немалое время скончалось на том,
И сызнова царь вопрошает письмом
Правдивых и мудрых вершителей дел,
Которым он в мире трудиться велел:

„Не видно ли в мире каких-нибудь бед,
„Что нашему царству чинило бы вред?“
Писали ответ: „От твоих, мол, щедрот
„Закон и обычай никто не блюдет.
„Забыли работу, не пашут нигде,
110 „А честь человеку бывает в труде.
„Куда ни взгляни, разбредается скот,
„Трава на полях и посевах растет“.
Такой дал ответ: „До полудня, пока
„Всходящего солнца стезя высока,
„Не должен быть празден и мешкотен тот.
„Который трудом земледельца живет.
„А после полудня — и отдых, и сон,
„Любовь, и пирушки, и гусельный звон.
„Когда земледелец бежит от труда,
120 „Достоинств не жди от него никогда.
„Он празден, затем что в невежестве рос,
„И участь невежды достойна лишь слез.
„Но ежели кто без семян и быков,
„Того не обидь и не будь с ним суров.
„Такого снабди, пособи из казны:
„По бедности люди страдать не должны.
„Так точно, когда от погоды урон;
„Из нас над погодой никто не волен.
„Когда налетит на поля саранча
130 „И сгубит посевы, все в прах измельча,

„Убыток опять из казны возмести,
„По краю в приказе о том возвести.
„Иль если неплодная есть полоса
„И если безводна земля и лыса,
„На чьем бы участке пустырь ни лежал,
„Велик ли хозяин, иль скуден и мал,
„С него, как сказал я, не брать ничего;
„И если возьмется хоть грош у него,
„Кто б ни был мытарь, оскорбивший меня,
140 „Будь он мой наставник, вскормивший меня,
„На месте в могилу зарою живьем,
„Да будет она ему ложе и дом“.
К письму приложили печать, и гонцы
Поспешно во все поскакали концы.

XX. Бахрам Гур призывает Лури из Индостана

Потом всем мобадам послал по письму,
А кто победней, и халат был тому.
Так спрашивал царь: „Кто живет без забот?
„И кто в нищете и без денег живет?
„Пишите про все, что творится в краю,
„Чтоб к свету направил я душу мою“.
И так отвечали ему те жрецы,
Те славные мужи и те мудрецы:
„Везде на земле благодатны дела,
10 „Согласно везде раздается хвала.

„И только одни бедняки на царя
„Пеняют, злосчастную участь коря.
„Когда, мол, богатый сидит за вином,
„Он кудри венчает цветочным венком,
„Вино расшивает под гусельный звон,
„С такими, как мы, не считается он.
„Бедняк пьет без гусель и пьет без венка,
„А сердцу богатого чаша сладка“.

Потешился этим письмом царь царей
20 И тотчас гонца отрядил поскорей,
К Шенгелю отправил дорогой прямой;
Так молвил: „О царь, пособитель ты мой,
„Обоего пола сто сотен Лури,
„Искусных гусярить, для нас отбери“.

Как только Лури объявились, Бахрам
Открыл им дорогу и принял их сам.
Он каждому дал по быку и ослу,
Снабжал к земледельному их ремеслу,
И тысяча кладей ослиных зерна
30 Была через сборщиков им роздана,
Затем чтоб пахал на быке и осле,
И сеял зерно, и растил на земле,
И бедному люду на гусях играл,
И слушал бы даром, кто беден и мал.

Лури и пошел, съел зерно и быка,
Пришел через год, пожелтела щека.
Сказал ему царь: „На себя и пеняй,
„Что стратил зерно, расточил урожай.
„Навьючьте ослов, кто чем жив и богат,
40 „Да шелковы струны настройте на лад“.
Доныне, по слову святому царя,
Лури бродят по миру, землю торя,
Живут и шатаются с волком и псом,
Татьбой промышляют и ночью, и днем.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Речь в похвалу разума

5. * *Изд* — божество, ангел. Даже в специальной маздеистской литературе употребляется почти исключительно для обозначения высшего божества, Ормазда (см. Введение, стр. 7). Возможно, что это табу, наподобие еврейского Яхве.

II. Царствование Кайомарта

1. *Дихкан* — земледелец-помещик. Дихканы представляют среднюю и мелкую земледельческую знать, отличающуюся своей консер-

* Цифра в начале примечания обозначает соответствующий стих отрывка.

вативностью (см. Введение, стр. 7). В современном значении дихкан — крестьянин.

13. *Созвездие Овна* — вступление солнца в зодиак Овна — начало весны (21 марта).

44. *Ахриман* — дух мрака, зла и лжи; в дуалистической концепции маздеизма, исконной религии иранцев, — противоположность Ормазду, божеству света, добра и правды (см. Введение, стр. 7).

57. *Срош* (по требованиям метрики обыкновенно *Серош*) — ангел религиозного послушания, посланец Ормазда. На языке Авесты *sraosa* значит „послушный“. Вместе с Митрой, божеством света и дня, и Рашну, божеством справедливости, *Sraosa* — Срош — один из трех судей, взвешивающих души людей после смерти.

III. Убиение Сиямеба рукою дива

2. Див (на языке Авесты—*daeva*)—божество мира мрака, Ахриман (см. Введение, стр. 7). Дивами назывались также архидемоны и бесы, божества в мире мрака, возглавляемого Ахриманом, которые соответствуют архангелам и ангелам, божествам мира света, возглавляемого Ормаздом. Лингвистически слово *daeva* — *div*, с коренным изменением значения, представляет то же самое, что древнеиндийское *dyaus*, греческое, *ζεῦς*, латинское *deus*, т. е. бог. При массовых, насильственных переходах народов из одного вероиспо-

ведания в другое, ранее считавшееся вражеским, представители старого культа обычно попадали в положение колдунов, ворожеев и др. представителей „вражьей силы“. Будда, по-персидски *but*, во всей „Шахнамэ“ значит *идол*, а его священники — *шаманы* (вероятно индийское *sramana*) — называются *идолопоклонниками*. Ормазд — высшее божество света и блага в маздеизме — у мусульман, а также почти везде в „Шахнамэ“ — название дурной, изредка только доброй планеты — Юпитера. Это же явление имело место во время крушения античного мира при постепенной его христианизации, а также при поражении германского, кельтского и славянского пантеона иудео-христианским монотеизмом.

43. *Йездан* (множественное число от изед, употребляемое в том же смысле) — божество, ангел. См. примеч. к отрывку, I, ст. 5.

IV. Поход Хушенга и Байомарга на бой с черным дивом

2. *Дастур* — собственно „руководитель“; министр царя по мирским делам; по духовным делам ему соответствует *мобад*, древнее *magi pati* — „предводитель магов“, класса жрецов-священников; впоследствии *мобад* — вообще „духовенство“.

17. *Пери* (древн. *pairika*) — женский коррелат считавшихся мужского пола дивов — „бесов, демонов“. Хотя и являясь созданиями

Ахримана, они считались не безусловно вредными и наделялись всеми соблазнами женской красоты. Изображались с крыльями. Часто они были просто олицетворением разных абстракций, в большинстве случаев скорее отрицательного характера, как — блуд, ложь, болезнь, голод и всякая скверна. Пайрика *Jahi* (персидское *jeh*, „блудница“), „менструальная скверна“, считалась наложницей самого Ахримана. Сочетание „див и пери“ постоянно встречается в персидской поэзии. В данном случае по контексту не требуется присутствия сверхъестественных существ женского пола. В другом месте сам Срош, принадлежавший к высшей категории ангелов и часто упоминаемый вместе с архангелами, называется пери.

Обычно иудео-христианский ангело-демонологический пантеон считается уникальным по богатству. Однако в действительности гораздо богаче сонмища маздеистских ангелов-изедов Ормазда и бесов-дивов Ахримана. Из неистощимого фонда маздеистского дуализма черпали все современные ему и позднейшие религиозные системы. Так, занимавший видное место в европейском средневековьи бес Асмодей — не кто иной, как скрывавшийся под латинской транскрипцией „демон гнева“ Авесты и старой литературы *aeshma daeva* (айшма-дайва), персидское *div-i xism*.

V. Поварское искусство Иблиса

Иблис. Вопрос о происхождении имени Иблиса остается пока открытым. Древнеарабскому, т. е. доисламскому фольклору, оно, повидимому, неизвестно. Сложные лингвистические комбинации ставят его в связь, все же довольно сомнительную, с греческим *διαβολος* (от глагола *διαβάλλω* — „разбрасывать, разъединять, расстраивать, сеять раздор и т. д.; см. словари). Есть мнение, что в Коран Иблис попал через посредство рано христианизованных химьяров-эфиопов южной Аравии. По характеру своему он, во всяком случае, гораздо ближе к библейскому сатане, чем к Ахриману или любому другому бесу.

VI. Сказ о Зохаке и Кавэ-Кузнеце

9. *Мобад* — см. примеч. к отрывку IV, ст. 2.

65. Уже в древнейшей части Авесты, в так называемых *гатах* Зороастра, форма земли мыслилась сферической. Земная поверхность делилась на семь поясов — кругов, перс. *kēsvar*, *kisver*, древн. *karsvar*.

139. *Румийский* — от Рум—Рим, то-есть восточно-римская, Византийская империя; впоследствии — весь христианский запад с Европой включительно.

144. *Кавейанский* — штандарт, паскоро со-
оруженный из фартука кузнеца Кавэ, когда
он собирал народ на низвержение Зохака.

VII. Феридун делит мир между сыновьями

6. *Муштари* — арабское название планеты
Юпитер.

21. *Рум*—см. примеч. к отрывку VI, ст. 139.

21. *Туран* — север и северо-восток, приле-
гающие к Иранскому плоскогорью.

22. *Пустыня бойцов* — арабская пустыня,
подвластная царю царей, на юго-запад от
Ирана, с центром в Хире.

22. *Иран* (древн. Airyana, Ērān) — так до
наших дней по-персидски называется Персия
как в географическом, так и в политиче-
ском смысле; „перс“ по-персидски — *ирани*.

39. *Страна копьеносных людей* (то же, что
„пустыня бойцов“ в примеч. к ст. 22) — на-
звана так потому, что копье считалось глав-
ным оружием арабов.

VIII. Из эпизода „Сам видит сына во сне“

Сам — отец Заля и дед Рустема. Сведения
священных книг о нем расходятся. То он
отец Гершаспа (Keresāspa Samān), то с ним

отождествляется. В Авесте он, в противоположность сыну и внуку, часто упоминается, даже как имя нарицательное, обозначающее величайших витязей. Он является как бы главой младшей линии династии Кайанидов, независимо царствующей на юге Ирана, хотя „Шахнамэ“ считает его вассалом царя царей.

6. *Сурайя* — созвездие Плеяд.

8. *Кайван* — планета Сатурн.

13. *Симак* — звезда Колос.

17. *Пехлеван*—обычно „герой, витязь“. Иногда же это нечто в роде почетного звания, жалуемого царем царей, как в случае с Самом.

В наши дни пехлеван—большую частью уличный борец-атлет.

37. *Симург* — одна из мифических птиц, в данном случае олицетворяющая доброе начало. Другая такая же птица — *Хуми*. Стоит только человеку попасть, хотя бы на миг, под их тень, чтобы счастье на всю жизнь было ему обеспечено. В мистической аллегории Ферид-уддин Аттара (XII век) „Беседы птиц“ премудрый Симург обитает на мифической горе *Каф*, где имеет свое гнездо и арабская волшебная птица *Рох*. Известны также вредные симурги, как, например, убитый при необычайных обстоятельствах Исфендыром.

45. „*Дестан*“ — означает „обман“.

110. *Лал* — драгоценный камень красного цвета, рубин.

127. *Заль-Зер* — сын Сама, отец Рустема. Этимологически оба слова значат, вероятно, одно и то же, а именно „старый“. Едва ли такое сочетание двух синонимов могло удовлетворить народное сознание. На юге Ирана, на рубеже Индии светлые волосы представляли большую редкость. Она не считалась завидной. В одной китайской сутре, изданной Пелльо, карой за некое тяжкое преступление в этой жизни является новое рождение с желтыми волосами. В настоящее время среди иранцев много светловолосых. Соответствующие источники говорят, что и в старое время они были. Можно думать, что этимологическое значение второго слова было давно забыто и его заменило общеизвестное значение *зер* — „золото“. Так как не говорится ни о красных глазах, ни о других приметах альбиноса, надо полагать, что Заль родился просто блондином.

132. *Нил* — излюбленное сравнение, когда речь идет о чем-то громадном и притом темного, в частности темносинего цвета.

IX. Заль идет в Рудабэ

68. *Гурия* — так назывались вечно чистые, не стареющие девственницы в мусульманском раю.

86. *Онагр* — дикий осел.

89. *Миночехр* — в то время правивший царь царей.

91. *Нейрем* — обычно Нариман — один из предков Сама. Генеалогия не вполне ясна.

Х. Поимка Рустемом Рахша

1. *Забул* — приблизительно античная Арахозия.

2. *Кабул* — вероятно, соответствует области нынешнего Кабула.

21. *Фарсанг*, или фарсах (*παρσαγγος*) равняется приблизительно 30—40 римским стадиям, т. е. 5—7 километрам.

24. *Бисутун* — дикая, считавшаяся неприступной гора на юго-западе Персии. На одной из отвесных стен массива высечена самая длинная клинописная надпись, принадлежащая Дарию I (522—486 до н. э.).

86. *Рута* (*ruta officinalis*) и особенно окуривание ею считались средством от дурного глаза и вообще от бесовских наваждений. Новорожденного Зороастра, например, рутою оберегают от демонов.

95. *Слон* — конечно, Рахш. На чествуемых и особенно на новобрачных, при церемонии поздравления, сыпали деньги и драгоценные камни. В качестве чествуемого здесь является Рахш. Значение этого имени до сих пор под вопросом. Описания масти Рахша в „Шахнамэ“ разноречивы; связь с *ruxs* (авеста — *raoxsa* — „гореть, блестеть“) не слишком приемлема. Вероятнее всего, высказанное давно, но не получившее поддержки мнение покой-

ного Эвальда (у Нельдеке), заслуживает предпочтения. Он сближает это имя с семитическим rks — термин для обозначения табуна благородных лошадей любой, но обязательно одинаковой масти.

XI. Борьба Рахша со львом

10. *Гур* — онагр, излюбленная охотничья добыча Рустема, как и Бахрама. Отсюда и прозвище последнего.

45. *Мазендеран* — дико-гористая, в менее высоких местах сплошь покрытая субтропическим лесом область, прилегающая к южному берегу Каспийского моря. Средняя высота 3000 метров, высота перевалов 2000 метров; вершина Демавенда превышает 5000 метров. Геологические и климатические условия способствовали некоторой обособленности этой провинции. Табаристанские князья мало стеснялись суверенными правами шахиншаха или халифа, чеканя свои монеты. Здесь сохранились остатки ряда древних родов, между прочим и старинный род, давший Персии ее нового правителя, Пехлеви-шаха. Те же геологические и климатические условия не могли, конечно, не сказываться и на преданиях, касающихся страны. Она всегда считалась загадочной, ахриманской, где див и пери, не скрываясь, даже после появления Зороастра, ходили по лицу земли. В поход против них и снарядился Рустем.

ХII. Смерть Сухраба от руки Рустема

25. *Согбенная спина* — небесный свод.

40. *Постель его кирпич* — то-есть „могила, склеп“, выражение, неоднократно встречающееся в „Шахнамэ“.

ХIII. Сказ о Бахраме и девушке-гуслирке на охоте

1. *Мейдан* — публичная площадь, имеющаяся в каждом персидском городе. В крупных центрах мейдан находится перед дворцом царя, губернатора, вообще высшего в данном месте органа власти. На мейдане происходят парады, смотры, народные собрания и празднества, а главным образом всяческие спортивные состязания, в первую очередь игра в поло, которую можно назвать национальным спортом, культивируемым преимущественно в высших классах.

2. *Чоган* — клюшка, которую при игре в поло всадники гонят мяч.

5. *Азадэ* — „свободная, знатная“, очень распространенное имя, даваемое преимущественно рабыням.

ХIV. Речь Бахрама к иранцам о своей пригодности к царству

9. *Тинуш* — один из сочувствовавших Бахраму вельмож Йездегерда.

11. *Мунзир* — у классиков Alamundaros, сын царя Хирского ал-Номана и отец царевича Номана.

XV. Бахрам Гур берет венец посреди львов

107. *Густам* — один из придворных.

166. Каждый месяц, как и каждый день маздеистского года, посвящены одному из архангелов (амшасанд) или ангелов (йазата, изед). *Азер* (древн. *атар*) — „огонь“, гений девятого месяца и девятого дня. Началом года считался и до сих пор считается март. *Серош* (см. примеч. к отрывку II, ст. 57) — здесь ангел дня.

XVI. Сказ о Бахрам Гуре и Кебруе и запрещение вича

21. *Ман* — индо-персидская мера веса, сильно колеблющаяся (от полукилограмма до — в Бомбее — 40 килограммов). Средний кубок вина, которое до сих пор продается по всей Персии на вес, вмещает приблизительно полкилограмма.

XVIII. Сказ о Бахрам Гуре и четырех сестрах

12. *Бахман* (Vohu mano) — „добрая мысль“ Ормазда. Первосозданный из архангелов, сидящий в раю одесную Ормазда. Весь посвященный ему месяц считался праздничным.

36. *Гур* — см. примеч. к отрывку XI, ст. 10.
49—50. *Мушкеназ*, *Мушкенек*, *Назиаб*, *Сусенек*.—Имя *Мушкеназ* означает приблизительно „мускусная грация“; в переносном смысле прилагательное *мушк*, *мушкин* значит черный. Эпитет „мускусный“, в применении к локонам *Рудабэ*, например, может относиться и к цвету, и к благоуханности их; *Мушкенек*, по *Vullers*'у,—птица из породы куропатов; *Назиаб* — нечто в роде „достигшая грации“ (специально поступи, осанки); *Сусенек* — „лилия“.

XIX. Бахрам Гур слагает подати с дихканов

6. *Везир*—арабский титул, соответствующий обычному у *Фирдауси дастур* — „министр“. Здесь, очевидно, „начальник канцелярии“; ниже, в стихе 75, скорее „представитель власти“ вообще.

79. *Диван* — это слово имеет очень широкое значение, от „совета министров“ и ежедневных публичных приемов царя для отправления правосудия до временных, как здесь провинциальных комитетов, созываемых *ad hoc*. Часто *диван* значит также „канцелярия, грамотен“, умеющие писать и более или менее бегло читать официальные бумаги сложного пехлевийского письма.

XX. Бахрам Гур призывает Лури из Индостана.

21. *Шенгель* — индийский царь-буддист, тесть Бахрама.

23. *Лури* — индийское кочующее племя, в котором с большой долей правдоподобия усматривают цыган.

Содержание

<i>Ф. А. Розенберг.</i> Введение	7
<i>М. Лозинский.</i> Памяти Ф. А. Розенберга	26

Избранные места из Шахнамэ

I	Речь в похвалу разума . . .	30
II.	Царствование Кайомарта . .	33
III.	Убиение Сиямека рукою дива	36
IV.	Поход Хушенга и Кайомарта на бой с черным дивом . . .	39
V.	Поварское искусство Иблиса	42
VI.	Сказ о Зохаке и Кавэ-Кузнецце	48
VII.	Феридун делит мир между сыновьями	57
VIII.	Из эпизода „Сам видит сына во сне“	62
IX.	Заль идет к Рудабэ	72

X.	Поимка Рустемом Рахша . . .	80
XI.	Борьба Рахша со львом . . .	87
XII.	Смерть Сухраба от руки Рустема	90
XIII.	Сказ о Бахраме и девушке-гуслярке на охоте	96
XIV.	Речь Бахрама к иранцам о своей пригодности к царству	103
XV.	Бахрам Гур берет венец посреди львов	107
XVI.	Сказ о Бахрам Гуре и Кебруе и запрещение вина	115
XVII.	Сказ о мальчике-сапожнике и льве и разрешение Бахрам Гуром вина	118
XVIII.	Сказ о Бахрам Гуре и четырех сестрах	122
XIX.	Бахрам Гур слагает подати с дихканов	129
XX.	Бахрам Гур призывает Лури из Индостана	136
	Примечания	141

Редактор А. Н. Т и х о н о в
Художественная редакция
М. П. С о к о л ь н и к о в
Литерат.-техн. наблюдение
А. Н. П л а в и л ь щ и к о в
Техред. М. И. Ч у в а ш о в
Наблюдение на производстве
М. И. К о з л о в

* * *

Сдано в набор 15/VI 1934.
Подп. в печать 11/IX 1934.
Тир. 5300. Уп. Главл. Б-37909
Зак. тип. 8135. Авт. л. 4.
Печатн. л. 5+4 вкл. «Ас» 90.
Инд. А-1. Бум. 62×94/32.
Тип. зн. на 1 бум. л. 51000.

* * *

Отпечатано на фабр. книги
«Красный пролетарий» изд.
ЦК ВКП(б) Паргиздата. Мо-
сква, Краснопролетарская, 16.

Цена Р. 6.50
Переплет Р. 1.50

